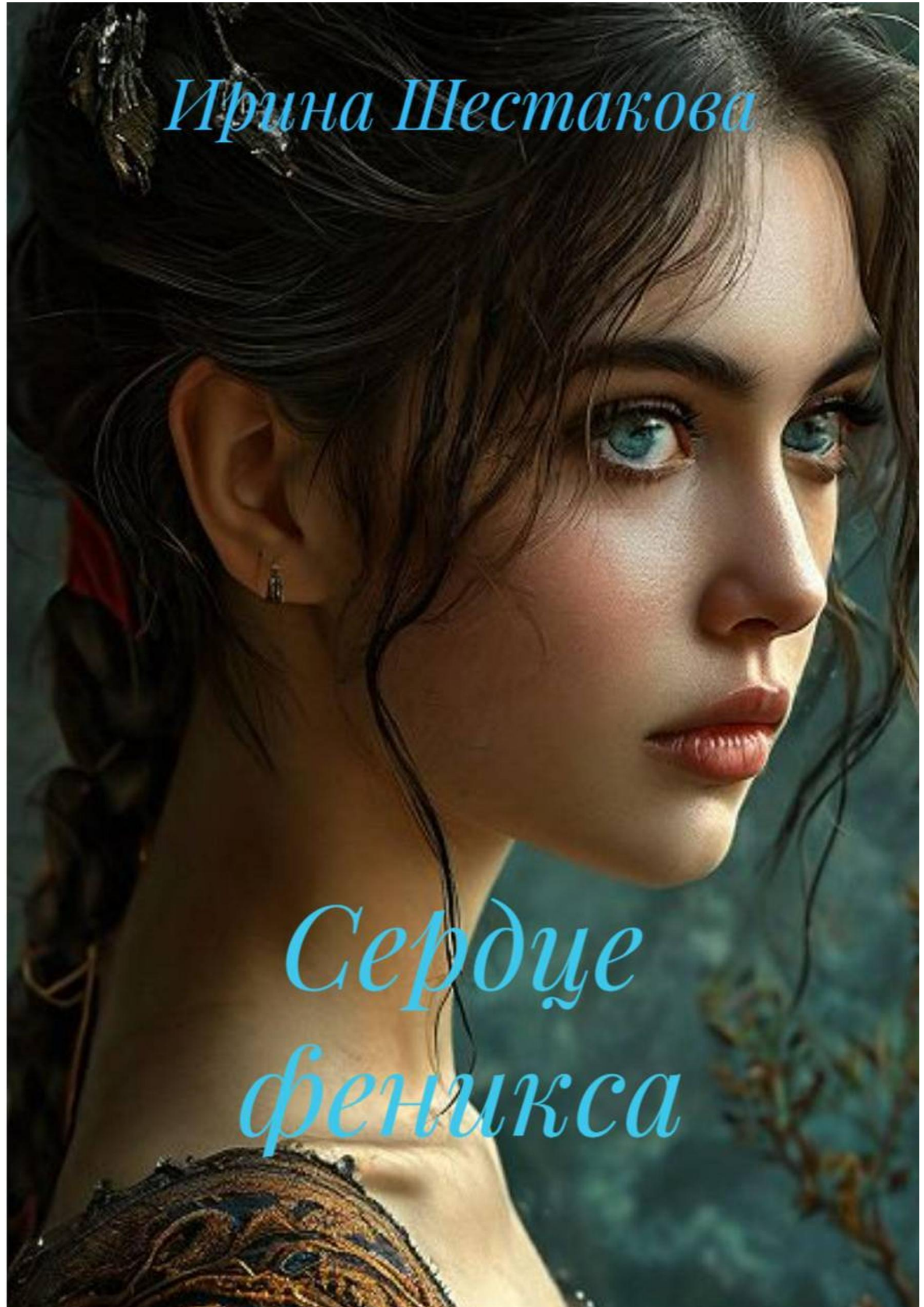

Ирина Шестакова

*Сердце
феникса*

Ирина Шестакова
Сердце феникса

«Автор»

2026

Шестакова И. В.

Сердце феникса / И. В. Шестакова — «Автор», 2026

Простая девушка Надя просто хотела жить спокойно. Как все обычные девчонки только что окончившие школу. Но судьба распорядилась иначе: в её руках оказалось то, что одни называют чудом, а другие — проклятием. «Сердце Феникса» — это путь от страха перед собственной силой к принятию ответственности за чужие жизни. На этом пути будут предательства и неожиданные союзники, тяжёлые решения и моменты, когда кажется, что выхода нет. Но именно в такие мгновения и раскрывается настоящая суть человека — и настоящего пламени.

© Шестакова И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сердце феникса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сердце феникса

Сердце феникса

Глава 1

Июнь, 1992

Надя не ожидала в такое время увидеть маму дома. Обычно на службе она всегда и приходит поздно, ближе к полуночи, а то и на сутки уходит, бывает.

— Пришла? — скользнув по дочери недовольным взглядом, Нина Григорьевна форточку настежь распахнула. В кухне смог стоял крепкий. Всю пачку она успела искурить за своими нерадостными мыслями.

— Последний экзамен сдала. На пятёрку! — не без гордости сообщила Надя. Похвалу она не ждала, мама редко её хвалила. Характер у неё такой был. Жёсткий и циничный. Следовательно по уголовным делам Тарасова Нина Григорьевна сантиментов не любила, от того и муж от неё сбежал когда-то. В Москву. Наде тогда лет пять было.

— Похвально. Значит, проблем с поступлением не будет.

Схватив со стола переполненную пепельницу, Нина Григорьевна освободила её от окурков, вытряхнув содержимое в мусорное ведро.

— Я к папе хочу съездить. Отпустишь? — робко спросила Надя, присев на табурет. Девушка прекрасно знала, что бегство мужа её мать не простила. И вообще, казалось, что будто всех мужчин она после развода возненавидела. Никого себя за эти годы так и не подпустила.

— Раз хочешь, то пожалуйста. Не неволю. Обратно только вернись. Иначе, как и отца твоего, не прошу. Знаю я, что ты в Москве в институт поступить мечтаешь и надеешься, что отец в этом поможет тебе. Мечтать не вредно. Только не забывай, что помимо тебя у твоего папаши ещё дочь имеется.

Надя закусила губу. Имеется, да. Но она-то его первенец, и папка всё это время не забывал её. Звонил изредка, письма писал! Неужели мама читала их?

— Мама, я просто съезжу в гости и всё.

Нина Григорьевна ничего не ответила. Галстук затянула потуже, служебный китель набросила на плечи и, сжав в руках портфель, предупредила дочь, что будет поздно.

— Так рано ты ещё никогда и не приходила — пробормотала Надя, закрывая за матерью дверь. Она бросилась к телефону и, усевшись в глубокое кресло, стала крутить диск, набирая по памяти цифры.

Артём должен дома быть в это время. Он устроился на время к отцу на завод, пока учеником. Осенью в армию собирался.

Окончив ПТУ и получив обыкновенную рабочую специальность, Артём мечтал ещё и высшее образование получить. Из простой семьи, вчерашний двоечник и хулиган, он с первого взгляда пленил сердце романтической Нади Тарасовой.

— Привет! Что делаешь? В кино не хочешь сегодня сходить? Я последний экзамен сдала! Теперь выпускной, аттестат и свобода нас встретит радостно у входа!

— Маленькая моя, не могу сегодня. У отца заказ горит, сверхурочно с ним обещал остаться. Сама понимаешь, батя ... В отказ пойду, обидеться.

Надя понимала и, грустно вздохнув, произнесла:

— Ну, ладно. В другой раз тогда. Люблю тебя — последнюю фразу она прямо выпалила и тут же, засмутившись, повесила скорее трубку.

Любила ли? Или книжек читалась и размечталась, как и всякая девчонка в её возрасте? Что такое вообще любовь и с чем её едят? Щёки Нади тем не менее огнём запылали.

Встречались они с Артёмом скромно, за ручку держась, и вот так прямолинейно о чувствах не говорили друг другу ещё ни разу. Всё и так, казалось, было ясно. Без лишних слов.

Они даже не целовались. Если только в щёчку, да чуть приобнявшись.

Настроение Нади всё равно было романтично-ванильным. Схватив плюшевого мишку, подаренного отцом, девушка закужилась с ним по комнате.

В голове крутилась песня из популярной раскрученной группы. Зарубежной, естественно. Надя всю кассету до дыр заслушала с их песнями.

Отец ей посылкой присылал в последний раз. Он же в командировках за границей часто бывает. Вот и привёз прямиком оттуда аудиокассету.

По каким делам папа в командировку мотался, не спрашивала. Фирма вроде у него в Москве своя была.

К вечеру в прихожей затрещал старенький телефон. Схватив трубку, Надя весело произнесла:

— Алло!

Девушка отчего-то подумала, что это Артём звонит. Вдруг он всё-таки передумал с отцом на заводе оставаться?

Но в трубке прозвучал холодный официальный голос:

— Тарасова Надежда Вадимовна?

— Да, я ... — присев на стул возле секретера из красного дерева, Надя невольно уставилась на своё отражение в зеркале.

— Ваша мама, Тарасова Нина Григорьевна, умерла. Несчастный случай на службе. Так бывает. Примите мои соболезнования.

Что? Но как же ... Мама ведь только что недавно из дома ушла ...

Рука Нади, сжимавшая трубку, затряслась, губы задрожали.

— Это ошибка какая-то? Я вам не верю. Не верю!

Отбросив трубку в сторону, Надя закрыла лицо ладонями и закричала. Нет, нет, нет! Мама не могла умереть. Это чья-то злая шутка, ошибка!

Сдёрнув кофту со спинки стула, девушка выскочила из квартиры. Ноги сами понесли её к матери на работу.

Артём изучал чертежи. Работа на заводе увлекла его. Сам не ожидал, что так затянет. Только без высшего образования дальше слесаря ему не продвинуться. А так хотелось выше. Карьеру сделать. Инженером каким-нибудь или начальником цеха стать.

— Артём, сходи станок выключи и от стружки освободи. Я устал что-то. Сделай, да домой будем собираться. Время-то уж одиннадцатый час вечера.

Борис Васильевич устало опустил на стул. Да, деньги нужны были. Вот и оставался сверхурочно в надежде заработать побольше. Да только куда там.

Бывало, задерживали зарплату или выдавали то, что в быту ну совсем не пригодится. Жена его, Анна, сразу смекнула, что времена нелёгкие наступили.

На ткацкой фабрике она трудилась. Такая же ситуация была. Не стала нервную систему свою добывать, уволилась. Свой труд Анна уважала и, соответственно, в материальном плане получать хотела свои, честно заработанные, а не обещаниями кормиться.

Пока дома сидела. Но по цепочке через знакомых пустила, что если кому что подшить или подрезать что нужно, так она выручит. За небольшую плату. У неё и машинка швейная, и комнатка отдельная. Всё имеется. Всё под рукой. А то и наряд праздничный вполне готова создать.

Борис Васильевич свою Аннушку поддерживал во всём. Норова она была крутого. Чуть что не по ней, по струнке все ходили. И муж, и сын.

За сыном особенно бдила. Вымахал под два метра ростом, глаз да глаз за ним. А то приведёт сноху в дом — не успеет Анна глазом моргнуть.

Отношения Артёма с Надей Тарасовой ей были не по душе. Из-за её матери в основном. Была у неё по молодости стычка с Ниной Григорьевной, когда та сначала в инспекции по делам несовершеннолетних трудилась.

У Артёма тогда сложный период взросления был, связался с плохой компанией и попался. На учёт в комнату милиции вместе со всеми поставили.

Уж и изгалялась над пацанами жёсткая и до мозга костей принципиальная Нина Григорьевна. Анна её и так и эдак умасливала за Артёмку. Ни в какую. Ст.рва. И кто бы знал, что спустя пару лет Артём с её дочкой встречаться начнёт?

Но надеялась Анна, что первая любовь её единственного сына — это юношеская блажь. Не всем же теперь жениться на своих первых любовях?

Всё проходит, пройдёт и это.

Артём, прибравшись, как и велел ему отец, поспешил в душ. Рабочую робу в шкафчик сложил, повесил. В свою одежду переоделся и пошёл прочь из цеха, зная, что отец ещё долго копошиться будет. Он его лучше возле проходной подождёт, да вместе домой они поедут.

Артём только прикурить успел, выйдя с проходной, как рядом с ним со свистом притормозил красный "москвич".

Лихо.

Сощутив глаза, парень не спеша затянулся, разглядывая с интересом новенькую только с конвейера машину. Это чья же такая?

При ярком свете уличных фонарей обзор был хорошим, и, уперев пристальный взгляд в лобовое стекло, Артём встретился глазами с молодой девушкой.

Она, крепко сжимая двумя руками руль, смотрела прямо перед собой. Её лицо оказалось заплаканным, под глазами потёкшая тушь, красная помада размазана по щекам, а тёмные волосы спадали волной на оголённые плечи.

Артём, пока рассматривал девушку, не сразу понял, что она собралась сделать сию же секунду.

Только когда мотор автомобиля взревел и, сорвавшись резко со своего места, "москвич" стартанул вперёд, Артём в каком-то оцепенении уставился на бетонное ограждение впереди. Что она творит??? Там же тупик!

Отбросив окуроч в сторону, Артём со всех ног бросился наперерез. О себе он в тот момент не думал, сорвавшись спасти незнакомую ему девушку.

Глава 2

Артём едва оторвал голову от подушки. Напился, да. Вчера. Он чуть не умер под колёсами какой-то ненормальной!

Она успела притормозить буквально в метре от него. Выскочила, орать стала. Руками размахивать.

Артём ей пощёчину отвесил, она и заткнулась тут же. На асфальт опустилась и заревела громко. Видать, в себя-то пришла и осознала, какую глупость чуть не совершила.

Прощения просить стала, извиняться. Только Артёму на неё плевать было. Руки в карманы сунул, сжав в кулаки, и пошёл. Даже на окрик отца не обернулся.

В одном из домов в частном секторе всегда компании собирались. Пили, курили и брэнчали на гитаре. Отдыхала молодёжь, так сказать. Неприспособленная к нормальной жизни.

Артём всегда с презрением мимо проходил, а сегодня ноги его сами туда завели. Поздоровался со всеми да и попросился на посиделки.

Пил, курил и думал о том, что его жизнь на волоске совсем недавно сидела. А с другой стороны, девчонку спас. Иначе она врезалась в эту стену бы, и ничего от неё не осталось бы.

Утром вот теперь совсем худо. Как домой добрался и во сколько — не помнил.

— Ты вставать-то думаешь? Отец на работу уже ушёл. Вечером поговорит с тобой. Фу! И где ты надрался так? В комнату не войти!

Мать бурчала и бурчала, действуя на нервы. Шпингалет начала дёргать, чтобы окно пошире открыть.

— Ну перестань, а? Как пилой едешь — простонал Артём и перевернулся на живот. Но так только ещё хуже стало. Что за пойло он вчера злоупотребил? Так-то Артём не любитель был.

Спиртное — враг всего человечества, и скольких слабовольных оно уже сгубило. А после развала советского союза, как взбесились вокруг. Пьют и пьют. Понятное дело, что жизнь нелёгкая наступила. Но не спиваться же!

— Сейчас бульончик похлебаешь, легче станет. Пока лежи, лежи.

Анна Николаевна прикрыла дверь в комнату сына. Как хорошо, что он в таком состоянии и не побежит к своей Наде. Звонила она, да. Но Анна сыну об этом говорить не стала.

Девчонка в трубку ревела, говорила, что мать у неё умерла, похороны завтра. И что?

Анна тактично выразила сочувствие и отключилась, заявив, что Артём в деревню уехал к бабушке. И трубку положила.

Нину Григорьевну ей нисколько не жаль было. Уж что там с ней такого приключилось с этой стальной и непробиваемой бабой.

Что бы ни случилось, туда ей и дорога. Анна, закусив губу, мешала ложкой суп. Очень интересные вести со вчерашнего поведаль ей супруг её. Борис Васильевич.

Артём, оказывается, спас дочку самого директора завода. Девчонка была пьяна, расстроена чем-то и пыталась на всей скорости в бетонное ограждение влететь. А может, и не пьяна была, под чем-нибудь?

Молодёжь-то нынче пошла непутёвая, всё живётся им плохо, даже будучи в достатке.

Загудела, повылазила после развала СССР всякая нечисть. Никто и ничего не контролирует. Бандитизм кругом.

— Эх-х ... Грехи мои тяжкие — вздохнула Анна.

В голове у неё, как у женщины с практичным умом и деловой хваткой, тем не менее с бешеной скоростью завертелся механизм.

Дочка директора завода. Звучит? Кто бы сомневался. Да в случае чего Артёмка с таким тестем как за каменной стеной будет. Это ж дураком надо быть, чтобы такой шанс в жизни упустить.

Поэтому отвадить решила Анна Надю Тарасову от своего сына. Не пара они друг другу. Совсем.

Надя безучастно лежала на кровати и смотрела в потолок пустым взглядом. До отца она не дозвонилась. Дорого в Москву заказывать разговор-то.

Хорошо, соседи помогают как могут, да сослуживцы мамы. Надя одна много ли может? Из школы звонили. Классная руководительница сочувствие выразила, спрашивала, может ли школа чем помочь?

А чем они помогут? Надя сдавленно поблагодарила и лишь сказала, что на выпускной не придёт, до праздника ли ей теперь? Аттестат потом как-нибудь заберёт, когда в себя придёт.

Странное чувство было внутри. Вот ещё вчера днём была мама, а сейчас её нет.

— Ну же? Плачь. Плачь, говорю! — процедила девушка, поднявшись с кровати и приблизившись к зеркалу. Слез не было, только пустота. Но, может, потом придут? Лучше сейчас. Прореветься бы, глядишь, легче стало б.

Артём к телефону не подошёл, мама его зато, как всегда, нелюбезно и враждебно поговорила с ней. Не любит она её, Надю. А за что? Что плохого она ей сделала? Сына её полюбила?

Резко отвернувшись от зеркала, Надя уставилась в окно. Солнце, жара стоит. Во дворе детские крики, смех. Каникулы у мелкой детворы.

Уперев кулаки в подоконник, Надя прижалась разгорячённым лбом к прохладному стеклу. Никто не объяснил ей, что случилось. Она лишь видела, как маму увозили, прикрыв простынёй.

Начальник следствия Надю по плечу похлопал, повздыхал тяжело и пообещал оказать посильную помощь. Мол, несчастный случай. А какой, что именно? Кто же юной девчонке будет разъяснять? Да и Наде не до расспросов было.

Звонок телефона резкий и неожиданный заставил девушку вздрогнуть.

— Слушаю — глухо произнесла она. Может, папка?

— Ты Тарасова Надя? — спросил вкрадчивый мужской голос.

— Я. Кто это?

Ладонь, крепко сжимающая трубку, вспотела. Отчего Надя занервничала, едва услышав этот голос. Не любила она таких интонаций.

— Мамаша твоя денег нам должна осталась. Мы работу оплатили, а она оказалась невыполненной. Следачка преставилась, с кого бабки спрашивать обратно? С тебя, как думаешь?

— К... Какие деньги? — похолодела Надя — о чём вы?

— Не тани время, дура. Завтра в восемь вечера подойдёшь на угол Юбилейной и Пролетарской. Сечёшь, где это?

— Да, я знаю это место.

— Принесёшь то, что у мамашки своей найдёшь. Ищи как можно внимательнее. Не найдёшь — тебе крышка. Усекла?

— Да кто вы такой? Какое право вы ...

— Заткни хлебоборезку. И слушай сюда. Мамаша твоя согласилась сотрудничать с нами по доброй воле. Деньги не пахнут, цыпа. А ей они очень почему-то были нужны. Мамашка твоя на подпола шла, с начальником следствия трали-вали была, доступ имела к архивам. Дельце одно она должна была нам передать. За него всю сумму запросила. Ищи, цыпа. Не найдёшь ...

Надя в ужасе бросила трубку, тут же, не раздумывая, выдернула провод из розетки и, прижавшись спиной к стене, переваривала разговор. Сердце её колотилось так, что из груди чуть ли не выпрыгивало.

Мама ... Мама ... Во что же ты ввязалась? Из-за кого или из-за чего? На ум сразу и невозможность матери в последнее время пришла, и грубость. А по ночам будто в подушку она сдавленно плакала, чтобы Надя не услышала.

Забившись в угол комнаты, Надя перебирала в уме события последнего месяца. Она как-то за подготовкой к экзаменам совершенно не следила за тем, что происходит вокруг. Думала, что мама на нервозе, как обычно, ведь она всегда такая. Непримируемая, резкая и злая.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть. Девушка боялась открывать, пока недовольный голос двоюродной тётки, Алевтины Петровны не произнёс:

— Открывай, Надежда, я знаю, что ты дома. Тётку, что ли, родную не узнала?

— Тётя Аля! — Надя, рывком распахнув дверь, повисла на шее у тётки, дав наконец-то волю слезам.

— Ну будет тебе, будет. Чего уж теперь реветь-то. Вот завтра мамку проводим в последний путь и будем дальше жить.

Слова тётки Алевтины раздалились в голове глухим эхом. Дальше жить ... А как? Когда всякие личности непонятные звонят с угрозами и требуют, то не знамо что.

Одно успокаивает, что ночевать сегодня Надя будет не одна. Завтра предстоял тяжёлый изматывающий день. Обидно, что до отца так и не дозвонилась, и Артём молчит. Хоть бы позвонил, поддержал ...

Надя уснула только ближе к полуночи. Вроде глаза слипаются, а мозг от всех этих мыслей никак не может заснуть. Сердце не на месте было, будто чувствовало интуитивно, что все испытания ещё впереди и начало взрослой жизни Нади будет мрачным, серым и беспросветным. Выдержит ли? Не сломается ли хрупкая неискушённая душа?..

Глава 3

Надя была на похоронах будто на иголках. Всё подвоха ждала. По сторонам смотрела. Но были все свои. Даже сослуживцев зрительно помнила.

Из родни мало кто. Не было у них, считай, никого. Дедушка с бабушкой рано поумирали, с обеих сторон. В деревне, правда, родная сестра мамы жила, тётя Света.

Здесь, в городе, двоюродные брат и сестра соизволили прийти. При жизни-то мало общались. И Надя понимала почему. Характер у мамы тяжёлым был. Не любила сантиментов, пустых разговоров и лицемерия. Говорила всегда прямо, жёстко и по существу.

Мало кто любил её за это. А когда с отцом развелась, то и вовсе родственные связи принавать перестала.

Говорила, бывало, всё Наде, что родственникам палец в рот не клади — по локоть откусят. Вот и не зналась ни с кем по долгу своей службы.

Посматривала Надя исподтишка и на начальника следственного отдела. Rogozin Станислав Сергеевич. Крепкий мужик, коренастый. Залысины по бокам, лоб широкий, большой. Взгляд серых глаз цепкий, проницательный.

Речь свою он громко говорил. Заслуги Тарасовой Нины Григорьевны перечислил. Добавил, что такого порядочного и ответственного человека в их команде будет очень не хватать.

В толпе внезапно раздался чей-то смешок. Надя услышала, впиалась глазами в сослуживцев. Но так и не нашла того, кто мог не сдержаться. Каждый стоял, опустив голову. Только тут же пришла мысль в голову девушки, что имелись у матери на работе свои недоброжелатели.

После того как была брошена последняя горсть земли, стал накрапывать дождик.

— Значит, не такой уж и плохой была Нина, раз погода по ней плачет — вздохнула двоюродная сестра Алевтина Петровна, поправив концы траурного платка — пойдём, Надя, помянем мамку твою. Отец то, гляжу, так и не приехал? Не смог, видать.

Надя, бросив последний прощальный взгляд на свежий холмик, усыпанный цветами и венками, пошла следом за двоюродной тёткой.

— Не дозвонилась я ему. Может, уехали куда — коротко ответила она. Вчера об этом речь как-то не заходила, поэтому сейчас она тётке сообщила всю правду.

— Не дозвонилась — передразнила Алевтина Петровна — номер телефона теперь сменил, как пить дать. Уж больно жинка его вторая, стерва та ещё.

Надя молча слушала сварливую тётушку, думая о своём. Без мамы тяжело будет. Строгая, властная, но мама всё-таки. Другой не будет. Бывали и душевные разговоры меж ними. Редко, правда.

Поминки в кабаке устроили. Так начальник следствия распорядился. Надя ещё от мамы краем уха слышала, что милиция этот кабак крышует уже давно.

Все, кто был, на специальном автобусе поехали. Надя с Алевтиной Петровной пешком решили пройти от кладбища. Они всё равно будто чужие были на похоронах. Все расходы на себя Rogozin взял. Странно даже. И подозрительно.

Наде сейчас вообще всё подозрительно было. Даже медленно приехавшие мимо них "Жигули" красного цвета.

Она вспомнила, что телефон так и не включила. Вдруг папка звонил? Или Артём?

— Я прямо после поминок уеду, Надюшка. У меня путёвка в санаторий горит. Извини уж. Я же не знала, что с мамкой твоей беда такая случится. Ты давай тоже тут не сиди. К отцу поезжай, теперь он пускай заботится о тебе, и с мымрой его там построже будь. Спуску не давай. И вообще никому не позволяй помыкать тобой. С матери пример бери. Ей с таким

характером самое место в милиции было. Жаль, пожила недолго. Что хоть в заключении-то написали? Сердце?

Надя рассеянно кивнула, наблюдая за машиной. Она притормозила на углу. Из салона не выходил никто, и девушка всей кожей почувствовала, что за ней наблюдают.

— Не беспокойся, тётъ Аль. Я к отцу поеду, да — упавшим голосом произнесла Надя, вспомнив, что её сегодня будут ждать. Только с чем? Она даже не знает, что и где искать?

Артём еле отработал смену. Да ещё опоздал. Будильник забыл завести, а мать как специально будить не стала, прогнав отца без него.

Он же заработанные деньги на свадьбу с Надей копит, чтобы после армии сразу жениться на ней. Как ученик, конечно, мало получает, но главное — копилка потихоньку пополняется.

— Слышал, Тарасова Нина Григорьевна кони двинула?

Вместе с ним к проходной спешил Пашка из соседнего цеха. Он чуть постарше был и на заводе давно работал уже. А с Артёмом они вместе порой в «курилке» сталкивались.

— Да кто тебе сказал такую чушь? — не поверил Артём и оглянулся. Отец, еле передвигая ногами, шёл следом, отстав на приличное расстояние. Старый он стал совсем.

— Да брат у меня в кабаке ментовском подрабатывает. Сегодня поминки там теперь были. В городе у нас об этом молчок. Дело, я так думаю, потому что тёмное и менты не афишируют. Но всё равно слух просочился, что прям на работе следачка преставилась. Дело она какое-то криминальное вела и в тот момент допрашивала одного авторитета. Только из допросной её труп вынесли. Что, как — тишина.

Артём нервно прикурил, волосы взъерошил. Почему он не в курсе? Надюшка там с ума теперь сходит! А он ни сном ни духом. Жених называется! Защита и опора.

Мать, наверное, специально не сообщила ему. Ведь Надя наверняка звонила!

— Ну, будь здоров. Спасибо, что сказал — Артём пожал Пашке руку, прощаясь возле проходной, и нетерпеливо стал поджидать отца. Домой он не пойдёт, прямиком к Надюшке отправится.

— Чего насупился? — Борис Васильевич кивнул вахтёру и приблизился к сыну.

— Ты знал про Нину Григорьевну? Оказывается, умерла позавчера, сегодня похоронили. Почему мне никто из вас не сказал, отец?

Борис Васильевич растерялся. Жена ему сказала, конечно же. Но приказала в категоричном тоне помалкивать. Сама она, мол, Артёму расскажет. Видать, промолчала.

— Молчишь? Матери передай, что ночевать не приду. У Нади буду. Ей моя поддержка сейчас нужнее.

И больше ни слова не сказав отцу, Артём отправился в противоположную сторону от их остановки.

— М-да ... Дела — протянул Борис Васильевич, почесав свою лысину. В одиночестве он добрёл до остановки, заранее зная, что Аннушке совсем не понравится то, что Артём не явится сегодня домой.

— Ну папа! — капризно топнула ногой Алиса — я не хочу унижаться перед каким-то слесарем с твоего завода!

— Будешь унижаться. Он тебе, дуре, жизнь спас, рискуя собой. Охранник и вахтёр с проходной всё видели. Ты же в бетонное ограждение на полной скорости неслась, а парень этот, рискуя собой, выскочил тебе навстречу. Так что завтра же поедешь со мной на завод и как следует своего спасителя отблагодаришь.

Тон голоса Шатилова Аркадия Валерьевича был жёстким. А взгляд тяжёлым. В долгу он оставаться не любил и завтра же вызовет к себе Артёма Смолина. В эти дни у него времени не было. Кое-какие вопросы порешать нужно было.

— Ну и пожалуйста! — Алиса психанула. Она толком и не поняла в тот вечер, что случилось. Пьяна была вдрызг, потому что с парнем своим рассталась. Узнала о его неверности. Умирать она не собиралась, будучи молодой, красивой и обеспеченной девушкой. А вот попутать немного хотела. Ну скорость не рассчитала, с кем не бывает?

Всех последствий своего поступка взбалмошная Алиса Шатилова не представляла, а потому и благодарить она никого не собиралась завтра.

На завод поедет, конечно же. Но с другой целью.

Глава 4

Вернувшись домой с поминального обеда, Надя встала посреди зала и осмотрелась. Где мама могла что-либо спрятать? Все уголовные дела только на работе, в её служебном сейфе.

Но ей заплатили деньги. Значит, она что-то приносила домой и хранила здесь.

Времени до назначенной встречи оставалось мало. Надя воткнула вилку телефонного шнура в розетку и принялась искать, внимательно просматривая каждую бумажку. Не то, не то. Всё не то. А что ТО?

Копаться в личных вещах мамы было испытанием не из лёгких для нервной системы Нади. Казалось, что мама просто на работе и скоро вернётся. Увидев Надю за её занятием, отчитает и прикажет больше никогда не рыться в её вещах.

Распахнув последнюю самую нижнюю дверцу, девушка наткнулась на встроенный сейф. Надо же. А она и не знала, что у них имелся такой. И какой код? Надя всё в памяти перебрала, нажимая нужные цифры. Но шифр всё время был неверен. В отчаянии девушка отползла к креслу и, прислонившись к нему спиной, подобрала колени к подбородку. Может, позвонить Rogozinu и рассказать про странный звонок? В конце концов, почему она, семнадцатилетняя девчонка, должна решать такие серьёзные вопросы?

Денег никаких она не нашла у мамы. Ни в записке, нигде. Вдруг её вообще на понт взяли и никакую взятку мама ни у кого не брала?

Настойчивый звонок телефона разрезал напряжённую тишину квартиры. Интуитивно Надя уже поняла, кто это.

— Да — бесцветным голосом ответила она, сжав трубку так, что пальцы онемели.

— Девочка, мы же не шутили вчера. Мать твоя серьёзную сумму у нас взяла. А мы не благотворители ...

— Но я не знаю, что именно вам нужно! — решила перебить Надя, повысив голос — вы хоть намекайте. Я всю квартиру перерыла, ничего не нашла.

— Деньги. Это в лучшем случае. В худшем тебе предстоит вытащить нужное нам уголовное дело двухлетней давности. Как раз твоя мамаша и вела его.

— Вы в своём уме? Как я это сделаю?

— В своём. А чтобы был стимул, я расскажу тебе о девочках, которые работают у меня на точке. Хочешь к ним? Всё, что заработаешь, будешь мне отдавать в счёт долга. Расплатишься быстро. На таких молоденьких и свежих, как ты, спрос большой. Некоторые дяди любят ... Неопытных.

— Да я ...

— К ментам не советую. Только хуже сделаешь себе и своим близким. Кто там у тебя ещё остался? Папашка в Москве? Или паренёк, с которым ты за ручку гуляешь? У тебя три часа до нашей встречи. Ищи цыпа, ищи.

В трубке раздались противные монотонные гудки. Надя разревелась. Откуда она деньги возьмёт? Сумму ей озвучили немаленькую. Зачем мама столько брала? На что? Или кому?

Наде всего семнадцать. Она только жить начинает. А у неё уже крупные проблемы. Угрозы, шантаж. Всё происходящее казалось каким-то дурным сном.

Девушка бросила взгляд на настенные часы. Да, время ещё есть. Бежать надо. Неважно куда. Эти бандиты не всемогущи, и вся их власть сосредоточена только в этом маленьком провинциальном городке.

Вытащив из шкафа объёмный рюкзак, Надя побросала в него только самое необходимое. В отдельный карман — документы.

Усиленно подумав ещё раз, Надя наугад ткнула цифры, ориентируясь на дату развода своих родителей.

Чудеса! Замок вдруг щёлкнул, и тяжёлая дверца отворилась. Всё, что было в сейфе, Надя сунула в свой рюкзак. Даже смотреть не стала, что там в папке.

Там же лежали и деньги. Сумма небольшая, но до Москвы хватит. И даже ещё останется.

Эти деньги, скорее всего, личные. Мама имела привычку всегда откладывать на «чёрный» день. Для Нади он уже наступил.

Тихонько пробравшись на балкон, девушка осмотрелась. Ну конечно. Вон они. Уже пасут. Глупо было бы рассчитывать на то, что за ней не поставили слежку.

И что делать? Заперев наглухо балконную дверь, девушка ходила по залу и, сжав виски, мрачно размышляла.

Решение пришло неоригинальное, но вдруг прокатит?

Где-то на антресолях отыскалась отцовская машинка. Замерев перед зеркалом в ванной, Надя на секунду прикрыла глаза.

И, разозлившись на свою нерешительность, нажала на кнопку. Раздался звук, ударивший по оголённым нервам.

Первый красивый локон цвета спелого каштана упал на пол. За ним второй, третий. Слёзы тонкими ручейками струились по бледному лицу девушки. Она любила свои волосы, гордилась. С восьмого класса отращивала, ухаживала за ними.

— Вырастут — выдавила из себя Надя и, упрямо сжав зубы, продолжила брить себя налысо. Ведь у тех упырей фото с описанием красивой длинноволосой девушки?

Мстительно ухмыльнувшись, Надя смотрела на своё лицо. Из подъезда выйдет худощавый небольшого росточка парень в мешковатой одежде и с рюкзаком, бритый под ноль. Для полного образа имеется модная кепка, которую отец дарил как-то Наде. Фирменная, с надписью "USA".

Пусть ждут и ищут. Сволочи. Ничего она им не отдаст. Увезёт с собой.

Артём долго звонил в дверь квартиры Тарасовых. Ухо к двери прикладывал. Неужели Надя ещё не дома? Но тогда где?

Поздно уже, темно.

Психанув, Артём вылетел из подъезда, прикурил.

— Лишней не найдётся? — прозвучало откуда-то сбоку.

— Да, пожалуйста — Артём протянул пачку сигарет незнакомому мужчине с цепким взглядом.

— Живёшь тут? — как бы невзначай спросил он.

Артём передёрнул плечами и нахмурился.

— Девушка у меня тут. Я из другого района.

— А чего недовольный? Поссорились?

— Мы даже не виделись. Видимо, дома её нет. Минут сорок звонил и стучал в дверь.

Прищурив глаза, незнакомец глубоко затягивался и не спеша выпускал через ноздри сигареты дым.

Не понравился он Артёму. Глаза у него какие-то ... Не располагающие к себе.

— И где она может быть? Девушка-то твоя?

— Откуда я знаю?

Что ему надо! Артём раздавил окурок об асфальт и, сунув руки в карманы спортивной кофты, пошёл прочь. Окна квартиры Нади зияли темнотой. Значит, и вправду дома её нет.

Может, у родственников? Беда такая. Наверняка её одну не оставили. А он дурак. Сразу надо было звонить ей. Теперь разобиделась ...

Артём не знал адрес родственников и надеялся, что, успокоившись немного и придя в себя, Надя сама ему позвонит. Хотя внутри поселилась пока непонятная тревога. Коробило то, что всё как-то комом получилось, и свою поддержку Наде он не смог вовремя оказать.

Задумчиво смотря перед собой, Артём стал переходить пешеходную разметку, как из-за угла на полной скорости вылетела машина.

Глава 5

И хлынул дождь. Крупные капли с ожесточением и с нарастающей силой били по стёклам. Совсем рядом грохотал гром, а яркие вспышки молнии напоминали резко очерченные зигзаги, прорезавшие чёрное ночное небо.

Анна сидела на кушетке в больничном коридоре. Сжав руки в замок, она безучастно смотрела в окно.

В отделении хирургии стояла зловещая тишина, нарушаемая лишь битьём крупного дождя по стёклам, который бурным потоком хлынул на спящий город.

— Хоть бы выжил — пробормотала женщина. Глаза её были сухими. Она верила, что Артёмка выкарабкается. Он крепкий. Родился таким.

Ей позвонили в девять вечера. Сообщили, что её сын попал в ДТП. Наехавшая на него машина скрылась с места происшествия, свидетелей нет.

Дальше Анна слушать не стала. В её голосе нарастала истерика, руки тряслись. Борис Васильевич поспешил накапать жене корвалол, прежде чем они отправились в больницу. Она одна у них, городок-то небольшой.

— Выживет.

Борис Васильевич, в напряжённом ожидании сидевший возле жены, встал. Операция длилась уже несколько часов. Артём много крови потерял. Травмы были серьёзными.

— Что он там делал? Опять к этой ... К Тарасовой ходил?

Анна сжала кулаки. Эту девчонку она ненавидела теперь ещё сильнее.

— Почему ты не рассказала Артёму, что у Нади беда случилась? — тихим голосом спросил Борис Васильевич — ведь знаешь же, что Артём любит эту девочку.

— Разлюбит — жёстко произнесла Анна — первая любовь случается у всех. Но нужно мыслить шире и искать в жизни то, что обеспечит тебе перспективу в дальнейшем.

Борис Васильевич с каким-то ужасом посмотрел на жену.

— Артём на операционном столе, еле выжил ... Неизвестно пока даже, чем операция закончится, а ты о каких-то перспективах?

Анна равнодушно пожала плечами и тоже встала. Покурить бы. Да не хочется на улицу в такую погоду выходить. Да, она мыслит рационально, и что? Лучше было бы слюни и сопли распускать? Её сын крепкий парень, и Анна накручивать себя раньше времени не собиралась. А планы ... Планы необходимо всегда строить, из них и состоит вся жизнь.

— О перспективах, да — медленно начала она и, положив руку на плечо мужа, заглянула ему в глаза — и я костыми лягу, а эту любовь так называемую между нашим сыном и той девчонкой на корню задавлю. Стой и жди, когда врач выйдет из операционной. А я пойду покурю. Нервы ни к чёрту.

Твёрдым уверенным шагом Анна отправилась на выход. По длинному слабо освещённому коридору, чеканя каждый свой шаг. Борис Васильевич лишь тяжело вздохнул. Свою супругу он всегда слушался беспрекословно. Характер у него такой был. Покладистый. А вот Артёмка не в него пошёл. Упрямый, твердолобый. Вряд ли у Аннушки что-то получится. Только сына против себя настроит своим упрямым желанием рассорить его с Надей Тарасовой.

Москва встретила промозглым дождём. Ничего тёплого Надя с собой не взяла. Поэтому, кутаясь в тоненькую кофточку, она вышла из здания железнодорожного вокзала.

Ей некуда бежать и не к кому. Поэтому единственным её решением было поехать к отцу. И билет удалось купить. Последний урвала. Поезд отходил через пятнадцать минут.

Боялась, конечно же. Вдруг ищут? Узнают? И только когда поезд тронулся плавно с места, успокоилась.

В Москве не достанут. Руки не такие длинные. А здесь она отцу расскажет, посоветуется. Может, тут в милицию или в прокуратуру пойдёт. Кому она навредит? Мама умерла, и её уже не вернуть.

А те, кто ей взятку дали, должны по закону ответить.

Наивная Надюшка думала, что всё правильно она делает. Волосы только жалко, да то, что Артёма не успела предупредить.

Надя надеялась, что к себе ей ещё удастся вырваться. У них же серьёзно всё с Артёмом. Она обещала его из армии ждать.

Ближайший телефон-автомат не работал. Дрожа от холода, Надя осмотрелась.

— Можно мне ... — начала было она, подойдя к киоску.

— Сигарет?

— Нет же! Я не курю. Есть хочу. Шоколадку вон ту дайте мне, пожалуйста.

— Приезжая, что ли? Тогда не кочевряжься, скоро и ты курить начнёшь. Все вы поначалу пай-девочками приезжаете от мамки с папкой только-только оторвавшиеся, а потом город вас засасывает.

Надя раздражённо отсчитала мелочь, какую по карманам нашла.

— Я не все и за толпой никогда не шла.

— Идейная, значит? Принципы, честь и совесть. Да?

Продавцом была женщина средних лет. Волосы у неё были крашенные, ярко-рыжие, губы в красной помаде, на ресницах синяя тушь.

— А что, плохо быть нормальной? Обязательно как все? Соответствовать?

Надя вертела шоколад в руках, не решаясь уйти. Чем-то эта женщина её привлекла. Спросить бы у неё, как добраться до района, где отец проживает.

— Да никто не говорит, что ты обязана соответствовать, деточка. Просто понимаешь, город он меняет, заставляет подстраиваться под свой ритм жизни. В один прекрасный день ты сама не заметишь, как встанешь возле такого же киоска за пачкой сигарет и пивом. Ты сюда зачем приехала? За мечтой? Если сильная, то выживешь. А если слабая, город тебя пережует, и выплюнет, как никому не нужную вещь.

Надя фыркнула и, развернув шоколад, откусила. Всё же голод не тётка.

— Вот уж никогда о Москве не мечтала. Учиться, поступить — да. Потому что с московским дипломом меня у нас в городе с руками оторвут. А вот жить здесь ... Не-е ...

— Учи-иться? — насмешливо протянула продавец и, захлопнув окошко, вышла наружу, покурить. Заодно продолжить свою мысль — и учиться сюда приезжают. Иностранцев куча развелось. При Советском Союзе разве был такой наплыв? Только девочки вроде тебя, отучившись первый год, замуж норовят выскочить. Либо за москвича, либо за того же иностранца.

— Да отец у меня тут! Давно переехал, живёт. Всё, что вы мне тут поведали, ко мне отношения не имеет.

— А ... Ну извини. Я же всякого уже насмотрелась. Нормальную девчонку от ненормальных уже разучилась отличать. Чего мокнешь тогда? Дуй к папаше.

Надя топталась на месте и, собравшись с духом, спросила:

— А может, подскажете, как мне добраться вот сюда? Я в метро впервые поеду.

Надя достала из рюкзака бумажку с адресом.

— Такси на что? Или денег нет?

— Денег нет.

— Ладно, давай сюда. Сейчас схему нарисую, доберёшься. Не поймёшь, спросишь у кого-нибудь. Меня, кстати, Вера зовут. А тебя?

Надя вдруг рассмеялась. Надо же как получилось.

— А меня Надежда.

Тут уже и Вера не удержалась от смешка. Она завела девушку к себе и принялась подробно объяснять, на какой ей станции в метро нужно сесть и до какой ветки доехать. Чем-то понравилась она ей. Вот так бывает, глянешь на человека, и он к себе тут же располагает, будто родственное что-то в нём есть. Сама Вера когда-то такой же приехала сюда. Молодая, ранняя и наивная. Теперь уж от той наивности и следа не осталось, а вот девочке помочь захотелось. От души.

Глава 6

Шатилов Аркадий Валерьевич ослабил узел галстука и, уперев ладони в стол, мрачно смотрел на входную дверь.

Да, не ожидал он, что спустя столько времени его не очень светлое прошлое напомнит о себе.

Ведь думал же, что всё, мосты сожжены. Ан нет. Те, кто когда-то обыкновенными шестёрками были в большой игре, стали вдруг главными фигурами в криминальной ОПГ.

С развалом СССР руки у них развязались. С самим Шатиловым и его семьёй могли что угодно сделать, если он в отказ пойдёт. И никакая приватизация не поможет. Просто придут и вышвырнут его из директорского кресла.

В дверь постучали. Надо же. Вежливые, однако. И давно такими стали?

— Входите — Аркадий Валерьевич опустил в кресло и напряжённо выпрямился, соединив пальцы в замок.

В кабинет вошёл смущённый Борис Васильевич. Ещё этого не хватало. Шатилов, ожидая совсем другого гостя, нахмурил брови.

— Здравствуйте, Аркадий Валерьевич. Можно к вам?

— Так уже вошли же. Случилось что?

— Случилось. Сынок мой под машину попал. Операцию сделали ему, да осложнения пошли. Повторная нужна. В Москве. Вот ... Хотел матпомощь попросить. Можно?

— Это не ко мне. В бухгалтерию — отрывисто произнёс Шатилов. Раздражение так и сквозило во всём его облике.

— А ... Простите тогда ... — Борис Васильевич попятился назад. Чуть не споткнулся от волнения, тысячу раз пожалев, что жену послушал, и пошёл к самому директору на поклон.

Он же не виноват, что Артёму так не повезло. Вот если бы на производстве травму получил, тогда другой вопрос. А так ...

Чувствуя себя последней неблагодарной свиньёй, Аркадий поманил к себе Бориса Васильевича. Ведь его сын спас Алиску. Он этому парню по гроб жизни теперь обязан за спасение единственной дочери.

— Я всё решу. Не переживай. В нашей больнице сын твой лежит?

— Да-да — тут же закивал головой Борис — в нашей. Чёрт какой-то вылетел из-за угла. Артём даже отскочить не успел. Травмы серьёзные у него. Операцию провели.

— Хорошо, я понял. Иди — рассеянно произнёс Шатилов. Он ждал. Он, чёрт возьми, ждал этих подонков. Оставшись один, не выдержал, выпил. Коньяк расслабил лишь немного.

Ну как же так? Он этому заводу столько сил отдал. Вокруг поголовно банкротились, разваливались предприятия, фабрики, а они ещё на плаву держались.

Завод стоял, переживал непростое время, несмотря ни на что. С зарплатой, правда, были перебои. Но Шатилов старался, отстаивал. Никто ещё у него под сокращение не попал.

И вдруг эти. Нарисовались. Шатилов влил себе ещё. Выпил. Нервы ни к чёрту.

В дверь вежливо постучали.

— Войдите — раздражённо крикнул Шатилов.

В приоткрытую дверь протиснулся какой-то шегол. Брючный костюм явно был его субтильному телосложению не по размеру. Висел, как на пугале или чучеле.

Жиденькие волосёнки едва прикрывали узкий череп. Тоненькие усики, на длинном остром носу очки с толстыми стёклами.

— Я от Германа Юрьевича — тоненько оповестило «чучело».

— Пожалуйста, присаживайтесь — широким жестом пригласил Шатилов. Ему даже смешно стало. И этот чудака собрался с ним серьёзные вопросы решать?

— Меня зовут Арсений Сергеевич. Я вам бумаги принёс. Изучите, подпишите ...

Шатилов тяжёлым взглядом следил за инфантильными движениями чудака. Вот он свой портфельчик раскрыл, достал папочку, бумажки на стол выложил.

— Это что? — сквозь зубы спросил Шатилов, кивнув в сторону аккуратно отпечатанных листов.

Арсений Сергеевич повернулся к нему, глазками своими маленькими захлопал.

— А это, уважаемый, ... передача прав на ваш завод. Ознакомьтесь, пожалуйста. И подпишите.

Шатилов напрягся, покраснел. Вот. Вот то, чего он опасался.

— На каком основании, позвольте узнать? — еле сдерживая свой гнев, задал он очередной вопрос.

Арсений Сергеевич улыбнулся. Даже нет. Не улыбнулся, а осклабился, явив взору Шатилова свои некрасивые жёлтые зубы.

— Я так думаю, Герман Юрьевич вам всё понятно объяснил при вашей встрече? Он, к сожалению, не смог сегодня сюда вырваться. Важная встреча с прокурором города.

Шатилов сразу как-то обмяк весь. Теперь всё ясно. Герман знает, куда бить.

— Давайте ваши бумаги. Подпишу — отрывисто произнёс он.

— Формально вы так и останетесь директором. Просто немного поменяется концепция завода, структура производства — туманно начал что-то пояснять этот тщедушный человечка. Шатилов его не слушал, со злостью ставя свою подпись.

— Прекрасно! — Арсений Сергеевич сграбастал документы, в папочку вложил, затем опустил в портфель и, сунув его подмышку, чуть ли не кланяясь подобоострастно к двери, попятился спиной.

Шатилов в мучительном исступлении крутанулся в своём кресле к окну. Теперь он не принадлежит сам себе и полностью зависит от Германа.

Только то, что тот пообещал не лишать его руководящей должности, шито белыми нитками. Уберёт. Как пить дать уберёт.

Кольнуло в груди так, заныло. Схватив со стола бутылку с коньяком, Шатилов безо всяких церемоний отпил прямо из горла.

Ему бы Алиску замуж пристроить, и можно успокоиться. Жаль, что не удалось её с этим парнем свести. Хотя ...

Развернувшись обратно к столу, Шатилов снял телефонную трубку и, сжав её в руке, набрал домашний номер.

Надя задрала голову, рассматривая огромный кирпичный дом в десять этажей. Ничего себе ... А то у них скромные двухэтажки и пятиэтажки. А тут вон махина какая!

И дворик такой чистенький, ухоженный, везде зелень, цветы. Кругом пустота. Оно и понятно. Дождь вливает.

Надя гордилась собой. Ведь всё, как Вера ей объяснила, так она и сделала. На метро страшно было, но она смогла добраться.

Вера ей свой адрес дала, телефон. Мало ли, пригодится когда. Хорошая она женщина оказалась, весёлая. Даже немного денег одолжила. Всё-таки мир не без добрых людей.

Воодушевившись знакомством с Верой, Надя потянула на себя тяжёлую дверь подъезда. Встреча с отцом и его стервой женой теперь не пугала. Может, не всё так уж и страшно.

Правда, ёжик на голове Нади вряд ли им по душе придётся. Ну и что? Мода сейчас такая. Подумаешь. Панки там, субкультура, так сказать.

Надя, правда, не интересовалась такой музыкой. Но не оправдываться же ей теперь за свой ёжик.

Поднявшись по ступенькам на седьмой этаж, Надя остановилась на просторной лестничной площадке.

Поискав глазами нужный номер квартиры, Надя подошла ближе и до упора вдавила кнопку звонка.

За дверью тут же раздался собачий лай и громкий женский голос: *«Муся, помолчи, пожа-луйста! К чему так надрываться?»*

Дверь распахнулась, и на пороге появилась вторая жена отца.

— Девушка, вам кого? — приподняв тонко выщипанную бровь, спросила женщина.

Надя до этого не видела свою так называемую мачеху ни разу. М-да. Отец остановил свой выбор на вздорной красотке.

Среднего росточка, стройная. Выражение лица капризное и высокомерное.

— Мне бы отца увидеть. Я его дочь, Надя.

— Кто? — презрение, отчётливо просквозившее в голосе женщины, сбilo Надю с толку.

— Я Надя Тарасова. Папу позовите — предательски дрогнувшим голосом произнесла девушка.

Противная болонка снова залилась лаем.

— Входи — сквозь зубы процедила мачеха, чуть ли не втащив Надю в квартиру. Высу-нувшись наружу, она осмотрелась и захлопнула дверь.

У Нади появилось стойкое ощущение, будто на ней защёлкнули кандалы и путь к отступлению отрезан. Где же отец? Дома ли он?

Глава 7

Артём, сцепив зубы, отходил после операции. Болело всё, тошнило. Но он терпел. Из реанимации его перевели в обычную палату.

Здесь по соседству лежал старый дед, мужчина с тучным телосложением, и паренёк, ровесник Артёма.

Солнце нещадно било в окно. Глаза болели. Прикрывшись рукой, Артём пытался сосредото-читься на чём-нибудь другом, кроме боли.

Дверь в палату скрипнула.

— Артём Борисович Смолин, кто из вас? — раздался мужской голос.

— Я — Артём скосил глаза на вошедшего. Следователь. Его только ещё не хватало. Соседи по палате потянулись на выход, оставив их вдвоём.

— Ну рассказывай, что помнишь. Меня зовут Алексей Владимирович. Мы пока с тобой не под протокол побеседуем.

— Не помню я ничего — буркнул Артём.

— Совсем? Ни цвет, ни марки? Номер?

— Говорю же, не помню. Дорогу переходил в неосвещённом месте. Вбок не глянул. Только визг шин по асфальту услышал, да почувствовал удар, и всё. Дальше вырубился.

Алексей Владимирович всё же делал пометки в своём блокноте.

— Жаль, что вы ничего совсем не помните. И не видели. Ведь тот, кто наехал на вас, в следующий раз ещё кого-нибудь сожмёт. Подумайте. Вот мой номер, если что-то вспомните, звоните. Заявление будете писать?

— На кого? Всё равно ведь не найдёте виновного.

— Ну почему же вы так плохо о нас думаете? Работаем, ищем. Просто не все граждане активно сотрудничают со следствием. Или бояться, или, как вы, не верят нам. Что ж, выздоравливайте.

Алексей Владимирович поднялся со стула, обратно к столу его отнёс и, кивнув Артёму, вышел. Взгляд его был холодным, цепким и совершенно не вызывал доверия.

Артём запомнил цвет и марку. "Жигули" красного цвета. И он знал, кому они принадлежат. Поэтому предпочёл смолчать. Вот только одно ему непонятно. Случайно ли наехали на него или намеренно?

— Вот полюбуйся на своего папочку — Жанна пошире раскрыла дверь в спальню — избили его, деньги отобрали. Лежит теперь овощем, а я ухаживать за ним должна? У меня работа, за границу на стажировку посылают. И что? Из-за твоего папашки я отказаться должна? Так что приехала, доченька, давай приступай к своим дочерним обязанностям. А мы с Каришей уезжаем в Германию.

Кариша оказалась долговым подростком с прыщавым и невыразительным лицом. Она равнодушным взглядом скользнула по Наде и, скривив лицо, ушла к себе.

Жанна смотрела на Надю с претензией, требовательно. И что делать? Надя с жалостью глянула на отца. Разве бросит она его?

— А когда избили? — осипшим от волнения голосом спросила она.

Жанна чиркнула зажигалкой и прикурила. По комнате поплыл чуть сладковатый аромат.

— Вчера, поздно вечером. Всю ночь возле него провела, сил моих больше нет! Он в соседний город ездил, на неделю, на сделку какую-то. С вокзала потом звонил, радостно сообщал, что с большими деньгами едет. И вот. Лопух, как есть лопух.

— А что же вы в больницу его не отвезли? — Надя взволнованно к постели отца приблизилась, на коленки опустилась — папка ... Ну как же так?

— Не надо в больницу — еле шевеля разбитыми губами, произнёс вдруг Вадим Андреевич. Он повернул голову в сторону дочери. Лицо в ссадинах и синяках, каждое лишнее движение причиняет невыносимую боль.

— Почему не надо? А вдруг серьёзные травмы какие? Отец!

Жанна раздражённо фыркнула.

— На нём, как на собаке, всё заживёт. Но ждать мне некогда. У меня самолёт уже завтра. Так что размещайся и сама лечи своего отца. А с меня хватит.

— Дура ты ... — просвистел Вадим. Грудь его тяжело поднималась и опускалась. Каждый вздох давался ему с трудом.

— Я дура? Я? — откинув голову, Жанна нервно рассмеялась — а ты умный у нас. Тогда доченьке расскажи своей, чем ты тут занимался и какие такие командировки у тебя были. Пусть послушает. Ей для общего развития полезно будет.

— Бежишь? Как ... Как крыса с тонущего корабля? Деньги были, и я тебе хороший был. А как ...

— Заткнись — Жанна с силой вдавила окурок в блюдо, в котором лежали шкурки от лимона, рядом, как только сейчас заметила Надя, стояла початая бутылка коньяка.

— Что у вас тут происходит? — Надя переводила взгляд с Жанны на отца.

— Разбирайтесь. А мы с Каринкой будем вещи собирать.

Пальцы Вадима Андреевича сжали простыни до рези в костяшках. В глазах застыла безнадёга и тоска.

— Ты больше не вернёшься — скорее уточнил, чем спросил он.

Жанна, повернувшись спиной, собираясь выйти из комнаты, застыла. Стройная, прямая, с копной выющихся белокурых волос. Надя засмотрелась даже. Её мама никогда такой не была. Всегда по форме, даже дома не ходила в домашнем халате. С пучком на затылке и без косметики она была словно железобетонная стена.

— Водичка, о тебе теперь есть кому позаботиться. А наша семейная жизнь и без того на ниточке висела. Развод всего лишь дело времени. Не поминай лихом, дорогой.

Дверь за ней захлопнулась. Повисла тяжёлая гнетущая тишина, в которой Вадим Андреевич, отвернув голову к стене и закрыв глаза рукой, согнутой в локте, о чём-то напряжённо размышлял.

— Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? — Надя сдавила холодными пальцами ноющие виски — мама умерла, слышишь? Я к тебе приехала за поддержкой, а у вас у самих тут шаром покати!

— Нина всё-таки умерла ... — как в прострации произнёс Вадим Андреевич — всё не просто, Надя, и для того чтобы ты поняла суть того, что происходит, мне придётся рассказать тебе всё с самого начала. Я очень сильно виноват перед твоей мамой. И уже поплатился за это. Ты волосы состригла?

— Состригла. Так надо было. Не тяни. Я хочу всё знать. С меня бандиты требовали какие-то документы, деньги. Раз ты заговорил о своей вине, значит знаешь, что от меня хотели?

— Знаю. Я виноват. У Нины, наверное, не выдержало сердце. Ведь так?

— Так. Официальная версия — обширный инфаркт. Но почему я в это не верю?

Вадим Андреевич повернулся к дочери. Взгляд его потеплел.

— Надя, обещаю тебе, что ты всё узнаешь. Но давай потерпим до завтра. Пусть Жанна с Мариной уедут, и я тебе всё расскажу.

— Хорошо. Я устала с дороги. Почти сутки в пути. Есть хочу, спать. А ещё принять ванну. Желательно горячую.

— Располагайся. На Жанну внимания не обращай. Она всегда такой была. И почему я на ней женился? Ей-то я нужен был. С ребёнком она мало кому нужна была.

— Карина не твоя дочь? — удивилась Надя.

Отец покачал головой.

— Я не способен иметь детей.

Надя так и подскочила на месте.

— А я??? Как это не способен? Меня-то смогли с мамой родить.

Вадим, криво усмехнувшись, протяжно вздохнул.

— Я хочу побыть один, Надюша. Обо всём ты узнаешь завтра.

Глава 8

Аркадий Валерьевич беседовал с лечащим врачом Артёма Смолина, а его дочь Алиса слонялась по длинному коридору туда-сюда и изнывала от скуки.

Ну зачем отец её сюда притащил? В конце концов, этого парня никто не просил бросаться ей наперерез. Это исключительно его решение и его проблемы. Вон, он опять под машину угодил. Рок какой-то преследует его.

При чём здесь она, Алиса? Девушка даже не задумывалась о том, что могла погибнуть, и не расхаживала бы она сейчас своими стройными красивыми ножками по больничному коридору.

В тот день Алиса рассталась со своим женатым любовником. Да, так получилось, что она встречалась с мужчиной много старше себя.

Ровесники никогда её не интересовали. Им только тело подавай, а взрослый мужик он иначе любит.

Эта тайная связь длилась год. Алиса захотела большего. Ей надоело делить своего любовника с женой. Она уговаривала его на развод, прибегая к самым изощрённым способам. Не сработало.

К тому же выяснилось, что помимо неё у её любовника была ещё одна женщина. Зрелая, опытная. А Алиса была так ... Игрушкой. Юной, забавной.

Узнав об этом из уст любимого мужчины, девушка сорвалась из съёмной квартиры, где они встречались. В тот день Алиса напилась в каком-то баре и села за руль.

Алкоголь затуманил мозг. Она не понимала, что творит. Слезы и обида душили её. Столько времени она потратила на человека, который просто с ней забавлялся.

Если бы не Артём, то ...

Что-то щёлкнуло в голове у девушки. В какой палате лежит Артём, она знала, а потому, развернувшись, решительно пошла в конец длинного коридора.

Артём читал книгу. Сосед по палате молодой парень одолжил. Звали его Виктор. С травмой колена он тут лежал. С Артёмом быстро общий язык нашёл.

— Я тут на досуге фантастику почитываю. Не хочешь посмотреть? — предложил он ещё вчера.

— Давай. Мне долго тут ещё предстоит бока отлёживать.

Артём читать не особо любил, но от нечего делать и чтобы хоть как-то от боли отвлечься крепко сжал книгу в руках и погрузился в чтение.

Надя из мыслей не выходила. Как она там? Ведь теперь обижается на него и не знает, что он под машину угодил.

Дверь в палату приоткрылась, и уверенно вошла красивая модная девушка. Осмотрелась. На Артёме взгляд свой задержала.

— Ты Смолин?

— Ну я.

— Меня зовут Алиса Шатилова. Помнишь? Спас меня. Вот пришла тебя проведать и поблагодарить.

Виктор во все глаза смотрел на красавицу, тут же позавидовав Артёму. Надо же, какие девушки к нему ходят, а к Вите и некому прийти. Сирота он. С дедом полжизни прожил, а тот пьёт как не в себя.

— Могли бы и не утруждать себя — не очень любезно произнёс Артём, снова уткнувшись в книгу.

Алиса, поджав губы, выразительно посмотрела на Виктора, и тот, поспешно сунув ноги в тапки, захромал на выход. Больше в палате не было никого.

— Не нужно мой визит в штаны принимать — тон голоса девушки был жёстким, глаза злыми — у тебя никогда в жизни не было такого дня, когда, казалось бы, всё рухнет, как карточный домик? Разве не испытывал ты такое разочарование внутри, что от отчаяния хотелось совершить что-то такое, чтобы тот, кто тебя обидел, очень сильно пожалел?

Артём скосил глаза на Алису и захлопнул книгу.

— Вот сейчас в данный момент я испытываю изнуряющие меня боли. И знаешь, даже в мыслях не помышляю покончить жизнь самоубийством. Остальное, думаю, всё можно пережить.

— И даже смерть близкого тебе человека?

— У тебя умер кто-то? — довольно резко спросил Артём, отбросив официальное «вы».

Алиса ступала, сумочку свою сжала тонкими пальчиками с аккуратным маникюром.

— Нет, не умер. С мужчиной рассталась.

— И всего лишь? — теперь Артём смотрел с насмешкой, скривив губы в полуулыбке — и из-за этого ты решила пробить бетонную стену? В себя поверила или и вправду жить не хотела?

— Тебе какое дело? Растыкался тут. Я к тебе из вежливости пришла, так сказать, поблагодарить. А ты!

— А что я?

— Хамло ты, вот кто! — припечатала Алиса и, развернувшись, поспешила прочь. Руки её предательски дрожали, сердце колотилось. Ненормальный какой-то. Другой бы на его месте от радости, что к нему сама Алиса Шатилова пришла, чуть ли не описался бы, а этот решил высмеять её.

— Папа, уходим отсюда немедленно! — потребовала обозлённая девушка.

Аркадий Валерьевич посмотрел на дочь из-под очков и, ничего не ответив, повернулся к врачу.

— В общем, мы с вами договорились, так? Пишите Смолину направление, и мы везём его на операцию в Москву.

— Всё так, Аркадий Валерьевич. Ваш Смолин через пару месяцев, как новенький, бегать будет. Только теперь по сторонам пускай смотрит внимательнее.

Бросив свой взгляд в сторону дочери, Шатилов кивнул ей на выход, мысленно недоумевая, что так её взволновало. Вон трясётся вся, с ожесточением комкая в руках ремешок от сумки.

— Я тебя на полчаса всего оставил. Что тебя так выбесило? — спросил Аркадий Валерьевич, когда они с Алисой сели в служебную машину.

— Ничего. Просто ненавижу больничный запах!

— У Артёма была? — догадался Шатилов. Он видел свою дочь насквозь. Когда она вот так вот нервничала, значит, что-то её зацепило. И сильно зацепило.

— Была. Хам и грубиян. Больше ничего не скажу о нём. Он даже моей благодарности не достоин.

Шатилов усмехнулся. Алиска набалованной была, эгоистичной. Он для неё ничего не жалел. Мать бросила её, когда Алисе было десять лет. Спуталась с каким-то иностранцем. Переводчиком работала в восемьдесят четвёртом. Влюбилась, на дочь наплевала, на мужа. Упорхнула от Аркадия, как птичка. Он ни на одну бабу после неё не посмотрел больше. Все они одинаковые.

— Ты уж так строго не суди о парне. Присмотрись, а вдруг подружитесь?

Аркадий Валерьевич зятя среди юношей из обеспеченной семьи не искал. Сам когда-то из трущоб вылез и определённо знал, что если голодному безродному псу руку помощи протянуть, то он предан будет тебе за эту помощь до конца жизни.

Сытый пёс от переизбытка сытости и укусь может. Так что Смолин Артём, можно сказать, выигрышный билет в жизни выхватил, и если не сглупит, то он, Аркадий Валерьевич, его не обидит. И Алиска заодно в надёжные руки попадёт.

Жанна с Кариной уехали рано утром в аэропорт. Нервы Наде успели помотать изрядно. Обе. Страшные люди. И хорошо, что они свалили.

Изнывая от любопытства и какой-то тревоги, Надя не спала всю ночь, размышляя, что такого хочет рассказать ей отец.

— Не спишь? — приготовив отцу нехитрый завтрак из овсяной каши и бутербродов, Надя с подносом вошла к нему в комнату.

— Не сплю. Разговор откладывать не будем, раз Нина так скоропостижно умерла.

Вадим чуть привстал, и Надя, быстро взбив ему подушки, помогла сесть в кровати.

— Ты уверен, что я должна всё знать? — уточнила девушка, пододвинув кресло и поудобнее усевшись в нём.

— Надя, ты обязана узнать всю правду от меня, раз Нина не успела тебе сама рассказать.

Вадим собрался с мыслями. Не так-то просто погрузиться в события почти двадцатилетней давности.

— Нас было трое — начал он — два парня и девушка. И если с Артуром мы дружили с детства, то с Ниной мы пересеклись на вечеринке у общих знакомых. Все учились на юрфаке, только на разных курсах. Нина помладше была. И, думаю, нетрудно догадаться, что оба мы влюбились в красавицу и умницу Нинель. Именно так Артур её называл всегда.

Вадим закрыл лицо ладонями. Такого друга, как Артур, больше не было в его жизни. Он любил и уважал его, как родного брата. Но волею судьбы, влюбившись в одну и ту же девушку, два друга оказались лицом к лицу перед пропастью, которая их разъединила.

— Дай сигаретку, пожалуйста — хрипло попросил Вадим — и водички, если можно. Горло сушит что-то.

Надя сбегала на кухню, пачку сигарет в шкафчике нашла. В графин налила воды из крана, как внезапный звонок в дверь заставил её вздрогнуть.

Жанна вернулась? Забыли что-то?

— Пап, я сейчас! — крикнула Надя вглубь квартиры и безо всякой задней мысли пошла открывать.

Не успела она щёлкнуть замком и снять цепочку, как дверь распахнулась от тяжёлого удара пинком.

Глава 9

Надя больно стукнулась затылком. Так больно, что казалось, голова расколется надвое.

— Ты, мелочь беспонтовая, думала, что мы тебя не найдём? Зря, кстати, шевелюру свою сбрила. Негодились такие жертвы. Ведь нам адресок папаши твоего пробить раз плюнуть. Предупреждали же тебя, дурочка, а ты себя круче нас вообразила.

Девушка смотрела прямо в серые холодные глаза.

— Подонки — прошипела она безо всякого страха.

— Во, узнаю твою мамашу. Похожа ты на неё. Та тоже всё артачилась, а теперь червей в земле кормит.

— Так вы ...

— Заткнись. Сама она. Ясно тебе? А теперь папку давай, которую нашла. И побыстрее.

Надя тяжело поднялась с пола. Голова гудела и кружилась. Хоть бы отца не тронули, мелькнуло у неё в голове.

— Надюша, кто там пришёл? — тут же крикнул он из комнаты.

Надя сжала кулаки. Бритоголовый с серыми стальными глазами пошёл за ней следом.

— Никто, пап! Соседка — ответила девушка. Квартира у отца была просторной, есть где разместиться. Надя устроилась в небольшой свободной комнате, где поместился только диван, шкаф и письменный стол.

— Шевелись поборнее — просвистели Наде прямо в ухо. Бритоголовый был один. Но, судя по тому, как он руку во внутреннем кармане держал, Надя смекнула, что там у него пистолет.

Липкий страх потихоньку накрывал её с головой. Да не нужны ей эти чёртовы бумажки. Лишь бы отстали!

— Подавитесь — девушка достала из рюкзака папку и безо всякого сожаления отдала. Она смотрела прямо в глаза. Вызывающе, пристально. А чего ей бояться-то? Мама слишком жёстко её воспитывала, чтобы она вела себя как слюняйка.

Да, не рассчитала, что к отцу так быстро нагрянут, хоть и промелькнула было мысль.

Но так ведь они уже его избили. Оперативно работают. Но что за тайна за семью печатями, раз такой кипиш с уголовным делом?

— Мы в расчёте?

Бритоголовый быстро раскрыл папку, пробежался глазами.

— Деньги. Твоя мать крупную сумму взяла. Впрочем, можешь оставить себе. Парик купи, а то выглядишь как пацан подстреленный.

Неприятная скользкая улыбка и слащавый взгляд вызвали у Нади приступ тошноты. Она сжала челюсти, но глаза не отвела.

— Вы избили моего отца. Ограбили. И я почему-то подозреваю, что деньги, которые у него забрали, и есть та сумма, что должна вам моя мама.

— Мы? Избили? Ты что-то путаешь, крошка.

Бритоголовый перестал улыбаться. Папку подмышку сунул и на долю секунды замешкался, словно решая в своей голове прямо сейчас сложную задачу.

И только когда он наконец-то ушёл, Надя смогла выдохнуть и, заперев дверь на все замки, прижаться к ней спиной.

Слёзы скатились из уголков глаз. Она всего лишь вчерашняя школьница. Ну почему она должна через всё это проходить? Неужели спокойно нельзя жить?

Похлопав себя по щекам и по привычке проведя ладошкой по своему ёжику, Надя налила отцу воды и вернулась к нему, будто ничего не случилось.

— Я голоса слышал. Кто приходил всё же? Тебя долго не было — отец с жадностью осушил стакан с водой. Ходить он не мог. Так сильно его избили. Вадим Андреевич думал отлежаться недельку, а потом потихоньку возвращаться к делам. Теперь, когда Нина умерла, а Надя рядом с ним, ему не так страшно. Больше всего он переживал за дочь.

— Говорю же, соседка — Надя опустила в кресло и сжала подлокотники — а теперь давай рассказывай вашу историю. Я хочу всё знать, папа.

Что-то в голосе дочери заставило Вадима подчиниться. И он, откинувшись на подушки, продолжил прерванный рассказ.

Артур и Вадим не соревновались между собой за внимание Нины. Они терпеливо ждали, когда девушка сама сделает свой выбор на одном из них. Единственное, о чём был негласный уговор, что кого бы ни выбрала Нина, второй исчезнет навсегда.

Вадим рос в интеллигентной семье. Он до сих пор сохранил тёплое воспоминание о квартире на пятом этаже типовой «хрущёвки», где частенько пахло жареной картошкой и крепким чаем. На кухне — узкая газовая плита, эмалированный чайник с птичкой и клеёчатая скатерть в мелкий горох. Мама — врач, отец — главный инженер на заводе по производству радиоприёмников. Обычная крепкая семья со своими семейными традициями, праздниками и ценностями.

Детство Вадима пришлось на шестидесятые, период взросления — на семидесятые. Правильный, честный и ответственный комсомолец Вадим планировал пойти по стопам своего отца. Книжку «Техника - молодёжи» он прочитал от корки до корки, а сколько журналов выписывал, не счесть.

Артур был его лучшим другом. Хулиганистый задира, он рос что былинка в поле. Так получилось, что его отец работал на том же заводе, что и отец Вадима. Только простым слесарем. Часто пил, дебоширил. За что получал выговоры и приводы в милицию.

Мама Артура трудилась санитаркой в хирургии. Тоже, казалось бы, обычная среднестатистическая семья. Только отец Артура к тому же ещё и пил. Крепко пил, запойно. В такие моменты и жене доставалось, и сыну.

Возможно, поэтому Артур вскоре из простого хулигана превратился в жёсткого, циничного юношу, который за своё опасное вольнодумство с треском вылетел из комсомола и ушёл в свободное плавание.

У него образовалась другая компания. И вход в эту компанию его лучшему другу Вадиму был закрыт. Они продолжали по-прежнему дружить, но каждый шёл своей дорогой, пока после окончания школы не встал вопрос о выборе профессии.

Вадим целенаправленно готовился к поступлению в Московский инженерно-экономический институт.

Артур же ждал повестку в армию и никаких планов больше не строил. Получив аттестаты и отгуляв выпускной с шумными песнями у костра, вчерашние школьники разбредились кто куда, пока двух лучших друзей не всколыхнули трагические события, сильно повлиявшие на их дальнейшую судьбу и выбор будущей профессии.

В официальных источниках информация об аварии, произошедшей на заводе, была засекреченной.

В тот день проводились важные испытания, в ходе которых из-за технических нарушений произошёл несанкционированный запуск реактора, проработавшего на предельной мощности около 15 секунд.

Этого времени хватило, чтобы он частично разрушился. В помещении находилось около двухсот рабочих, не считая соседних, отделённых тонкой перегородкой.

Пятнадцать монтажников погибли сразу, остальные попали под радиоактивный выброс. Уровень излучения в цехе достигал 1000 рентген.

В ходе расследования выяснилось, что авария произошла из-за того, что перед гидравлическими испытаниями часть временных пластиковых заглушек забыли заменить на металлические постоянные, что привело к их выбиванию под напором, попаданию воды на урановые стержни. Соответственно, из-за этого и произошёл взрыв.

Многие после аварии ушли домой, не получив необходимой дезактивационной обработки и медицинской помощи, что было явным нарушением. Пятеро слесарей были экстренно отправлены в Москву. Среди них был и отец Артура.

В момент аварии они непосредственно находились в реакторном отсеке.

Трое слесарей через четыре месяца были выписаны, двое скончались от острой лучевой болезни. Среди этих двоих был отец Артура.

Глава 10

Аркадий Валерьевич вызвал к себе скромного и тщедушного Бориса Васильевича Смолина. Чай, кофе предложил ему, а потом, хитро прищутив глаза, что покрепче. От последнего смущённый мужичонка не отказался.

Борис Васильевич на край стула сел, ручки на колени положил и не знал, куда себя деть. Это супруга его Анна боевой была, а он так ... Всю жизнь чего-то боится, да стесняется. И зачем это его к себе Шатилов позвал? Прямо внутри всё трясётся от страха.

— Алина, принеси ко мне в кабинет стандартный набор — нажав кнопку селектора, негромко попросил Аркадий Валерьевич.

Секретарша в приёмной будто всегда наготове была. Не прошло и пяти минут, как она уже с подносом возле низенького столика стояла и аккуратно выкладывала всё, что принесла, на полированную до блеска столешницу.

— Аркадий Валерьевич, да не стоило беспокоиться так — пролепетал Борис Васильевич, сглотнув судорожно при виде янтарной жидкости, плещущейся в бутылке с красивой импортной этикеткой.

Шатилов достал коньяк из своего сейфа и, оценивающим быстрым взглядом пройдясь по ладной фигуре секретарши, приказал ей ни с кем его в течение текущего часа не соединять и в кабинет никого не впускать. Переговоры у него. Важные.

Алина, одарив директора самой обаятельной улыбкой, пообещала держать оборону и выскользнула за дверь, оставив в воздухе лёгкое цветочное благоухание своей туалетной воды.

— Эх, молодость — медленно произнёс Аркадий Валерьевич и широким жестом пригласив Смолина переместиться в глубокое кожаное кресло, сам уселся напротив.

Без всяких церемоний он разлил по маленьким стопкам коньяк, блюдце с дольками лимона поближе придвинул.

Борис Васильевич чувствовал себя в рабочей робе некомфортно, скованно на фоне выщеголенного с иголки директора завода.

— Аркадий Валерьевич, можно узнать ... Узнать, для чего меня позвали? Сокращение, да? А то слухи по заводу разные ходят, приезжали к вам ... — пролепетал Борис Васильевич, робко сжав в шершавой ладони стопку. Выпить-то он завсегда не прочь был, чем очень сердил свою Аннушку.

— Узнать можно. А вот распространять потом нельзя — жёстким тоном ответил Шатилов, приправив свой тон тяжёлым проницательным взглядом — всё, о чём я тебе скажу, услышат только эти стены и более ни одна живая душа. Всё понял?

— Да как не понять. Простите Бога ради, не хотел ничем вас беспокоить.

— Отставить. Борис Васильевич, ты чего жизнью такой пришибленный? Сын-то, надеюсь, не в тебя? А?

Борис напрягся. При чём здесь его сынок-то? Кабы Шатилов не передумал насчёт помощи. Уж очень Артёмке операция в Москве нужна.

А то будет всю жизнь с костылём ходить. Ни на работу нормальную не устроиться, ни полноценно семью завести. Хромой — всё равно что калека.

В армию то, понятное дело, его уже не возьмут, раз такая оказия приключилась.

Из-за этого Артём психует, рвёт и мечет. Ведь хотел отслужить как настоящий мужик, потом на вышку поступить. В слесарях всю жизнь торчать не собирался.

Про Надю свою всё не умолкает, а что они ему с матерью ответят? Уехала девка в Москву. К отцу, видать, подалась, раз мать у неё померла.

— Сынок у меня идейный, Аркадий Валерьевич. Упёртый, что баран. От меня если только руки рабочие взял, а в остальном он на Аннушку схож, супругу мою. Та деловая женщина у меня. Голова работает за десятых.

Упоминание о жене вызвало тоску во взгляде Аркадия Валерьевича. Ведь его-то Юлечки уже лет пять как нет.

Забрала болячка нехорошая. Врачи оказались бессильны. С тех пор весь мир его вокруг дочери крутится. Чтобы всё самое лучшее у неё было, чтобы отказа ни в чём не знала и потом ещё долго безбедно жила.

А для этого надёжный муж нужен. Лучше всего из простого рабочего класса. Оно так верней будет.

— Идейный — это хорошо. Правда, не всегда уместно, особенно учитывая наше время и некий беспредел, который набирает обороты. Ты пей, Борис Васильевич. Чего его этот стакан в руках-то греть?

Шатилов сам залпом выпил, лимончиком занюхал. Крепкий зараза, зато расслабляет натянутые нервы хорошо. Много его не выпить, а пару стопок пропустить за милую душу — ой как хорошо. Для разговора, так сказать, душевного.

— Задумал я сына твоего и мою дочь поженить. Как ты на то смотришь?

От неожиданности Борис Васильевич поперхнулся, закашлялся сильно, глаза заслезались.

— Это как же ... — просипел он — а ...

Замолк тут же Борис. Кашлять перестал. Чуть было про невесту Надюшку не проболтался, да вовремя язык прикусил.

А всё благодаря жене своей, которая, будто предчувствуя намерения Аркадия Валерьевича, застрашала своего мужа, чтобы, ежели что, лицом в грязь не ударил, да языком лишнее не болтал.

— А что в этом плохого? Я, Борис Васильевич, людей насквозь вижу. Одного взгляда достаточно. Артём твой себя уже проявил, когда Алиску мою спас. О себе ведь он в тот момент не думал? Не думал. Первым инстинктом его было чужую жизнь спасти. Качество это хорошее,

я это в людях ценю. Да и в судьбу, как говорится, верю. Раз на то пошло, значит, неслучайно всё. Дочери моей замуж пришла пора выйти. Если Артём согласится, то я все силы брошу на продвижение своего зятя. Он у меня такой карьерный рост сделает, что потом по гроб жизни благодарен будет мне. Да и не спрошу я с него благодарности этой, лишь бы Алиска моя с ним счастлива была. Понимаешь, Борис Васильевич?

Шатилова слегка развезло. С утра ни крошки во рту. С этими бандюками и аппетита в последнее время не было совсем. Завод — его детище. Он его с колен поднимал в своё время, с нуля всё налаживал, и вдруг утырки явились какие-то, чтобы вот так просто взять и отжать задарма.

Мысленно Аркадий Валерьевич показал им кукиш. Он обязательно что-нибудь придумает. И ничего он не сдался, для виду отступил.

— П-понимаю — заикаясь, пролепетал чуть заплетающимся языком Борис Васильевич, подумав, что от Артёма ему влетит по первое число. Он никогда не согласится жениться по не по любви, а по расчёту.

— Ты выпей ещё, выпей. Ведь породнимся скоро — потирая руки, Шатилов наполнил стопки. Настроение его разыгралось. Он сделал ставку на этого паренька и сделает из него свою улучшенную копию.

Если Смолин-младший башковитый, то далеко пойдёт. А он башковитый. Внутреннее чутьё ещё никогда не подводило Аркадия.

Иначе не сидел бы он директором завода сейчас, а продолжал бы в конторе шестёркой бегать, выслуживаясь перед вышестоящими.

От Шатилова спустя сорок минут Борис Васильевич вышел слегка прибалдевшим. И не столько от выпитого, сколько от предстоящих перспектив. Артём обязан согласиться.

Надя покормила отца и оставила его одного. Он сам попросил. Рассказ был долгим, утомительным. Почти вся жизнь уместилась в каких-то два часа.

Тяжело было всё это переварить совсем юной девушке, ещё не познавшей толком жизнь, но уже потерявшей близкого человека.

Из всего рассказа отца об Артуре Надя запомнила одно его высказывание. Он любил своего пьющего отца несмотря ни на что.

Даже когда тот руку на них с матерью поднимал. Любил, потому что знал и другую его сторону. Трезвую. А трезвый он мог горы свернуть и многому Артура научил. И если бы не авария на заводе ...

«Горе меняет форму, свой облик, вкус и ощущения. Но оно никуда не уходит. Когда умирает близкий тебе человек, то ты всегда, каждую минуту, секунду ощущаешь его отсутствие. И сколько бы ни длилась жизнь, сколько бы времени ни прошло, ты всегда будешь чувствовать себя одиноким».

Это последнее, что сказал Артур перед тем, как уйти после второго курса в армию.

А ведь Нина выбрала его, и Вадим должен был из их жизни исчезнуть. Но получилось всё иначе.

Через восемь месяцев родилась Надя, а через два месяца Нина согласилась выйти замуж за Вадима, получив письмо о том, что Артур погиб. Несчастный случай ...

Глава 11

Алиса ждала его. Знала, что он придёт сегодня на обед. Именно сюда. Уже сколько дней поджидала. Он будто прятался от неё.

— Привет. Избегаешь меня? — невозмутимо спросила она, присаживаясь напротив. Ей разрешение его не требуется. Она всегда поступала так, как хотела сама. Упрямство у неё было в крови.

А ещё настойчивость и умение добиваться своего. Только в случае с ним она проиграла. И ей тяжело было смириться, что эта игрушка недостижима.

— Зачем мне тебя избегать? Просто был занят. Твой отец теперь не единственный владелец завода. Приходится подстраиваться под новые условия.

— Да плевать мне на завод. Я соскучилась.

— Алиса, мы, по-моему, всё с тобой решили.

— Это по-твоему — отрезала девушка — я сама решу, когда мне тебя бросить. Пока я этого делать не хочу, и ты не будешь.

Он встал из-за стола. Аппетит пропал. Эта наглая девчонка здорово действовала ему на нервы.

— Я люблю свою жену, и мне дороже сохранить свою семью, чем продолжать встречаться с тобой. Оставь меня, в конце концов. Имей гордость, что ли.

Кривая полуулыбка и насмешливый взгляд выбесили Алису. Уперев ладони в стол, она тоже привстала.

— Семью сохранить хочешь? Быстро же ты переобулся. Что-то когда по гостиницам со мной шарился, о жене не думал. Всё тебя устраивало, что вдруг изменилось?

— Надоело. Смирись с тем, что ты не на всю жизнь. Лишь на время. Понимаешь? Ты предаешься, потому что предсказуема. Даже сейчас ты ведёшь себя как маленькая капризная девчонка, вместо того чтобы с мудростью женщины, знающей себе цену, принять своё поражение.

— Я всё твоей жене расскажу! — голос Алисы предательски дрогнул, выдавая истеричные нотки. Она хотела держаться достойно, но не получалось.

— Примитивный шантаж, детка. Придумай что-нибудь более оригинальное.

Его пронзительный взгляд не оставил Алисе ни единого шанса.словно пришибленная под тяжестью унижительной правды, девушка опустилась на стул.

— Заказ будете делать? — тут же подскочил услужливый официант.

Смерив его уничижительным взглядом, Алиса зло прошипела:

— Проваливай. Слышишь, ты!

Схватив свою сумочку, она сорвалась с места. Обида душила её. Хотелось сделать что-нибудь, чтобы он пожалел.

Даже не просто пожалел, а оказался раздавленным, убитым.

За руль с того самого раза, как чуть не разбилась, Алиса больше не садилась. Ступор, внутренний страх. Боялась вдруг повторить свою неудавшуюся попытку самоубийства.

Поэтому ездила на такси. Общественный транспорт не признавала, считая ниже своего достоинства добираться на нём.

— Куда? — спросил притормозивший водитель такси, как только Алиса остановила его взмахом руки.

— До городской больницы.

— Садитесь. Довезу.

Алиса юркнула в салон. Почему именно в больницу? Сама не знала. Тот парень заинтересовал её. Хоть и раздражал. Но разговор с ним подействует на неё сейчас как ушат ледяной воды, который ей просто был необходим, чтобы остудить эмоции, бушевавшие в ней.

Она не хотела наломать сгоряча дров. Он прав, как всегда. Шантаж с женой слишком примитивен.

Анна разговаривала с сыном как с неразумным ребёнком.

— Пойми, это очень выгодный брак. Шатилов тебе операцию в Москве пробил. Без всякой очередности. В армию не придётся идти. В институт сможешь поступить, на заводе тебя

место не простого рабочего ждёт, а должность сытая, тёплая и престижная. Да и девушка. Чем она плоха? Первая красавица у нас в городе. Да тебе любой завидовать будет!

Артём слушал свою мать в молчаливом изумлении. У него не было слов. Мама совсем не понимала, что она ему предлагает сейчас.

— Я люблю Надю — отрезал он — и никто не заставит меня жениться на дочери Шатилова. На этой взбалмошной девице.

— Так значит, да? — Анна нервно комкала ремешок от сумки. Вот как этого барана убедить? Перспектива породниться с Шатиловым манила. А из-за упрямства её сына они могли с Борисом лишиться шанса улучшить свою жизнь и не прозябать в нищете.

— Так и никак иначе — Артём согнул руку в локте и прикрыл глаза. Ему и так тошно было от этих болей, про Надю хотелось узнать, позвонить ей домой. Но его хватало только, чтобы до туалета пройти, не без помощи соседа по палате. Костылей-то у него не было.

Анна с достоинством поднялась, закусив губу и сдержав злые слова, рвущиеся наружу. Тут с умом надо, не напиться сильно. Артём должен согласиться, обязан. Надо только придумать что-то.

— Хорошо, пойду я, сынок. У меня на сегодня пара клиентов на подшив. На днях тебя в Москву переправят. Здесь уже ничем не помогут. Я тогда с тобой постараюсь поехать. Отдыхай пока.

Дверь за матерью тихо закрылась, и Артём остался один. Операция — это его шанс вернуться к полноценной жизни. Передвигаться с одним лишь костылём он не хотел.

С армией не выйдет, жаль. А перспектива в институт поступить манила. Но жениться на дочке Шатилова он из-за этого всего не собирается.

«Где же ты, любимая? Хоть бы пришла, навестила меня» — уткнув лицо в подушку, размышлял Артём.

Как-то комом всё. Он не поддержал Надю, когда её мама умерла, она не поддерживает его сейчас. Возможно, даже она и не знает, что он в больнице. А кто ей скажет? Точно не его родители.

Артём успокаивал себя тем, что раз он в армию не идёт, то и расставаться на целых два года не придётся.

Главное — операцию перенести, восстановиться как можно скорее, а там он найдёт способ помириться с Надей. Только бы она не оттолкнула его.

Надя рассматривала фото молодых Артура, отца и матери.

— Я почему-то у мамы таких снимков не встречала.

— Их у Нины и не было. Я после развода всё забрал. Она прошлым никогда не жила со своим стальным характером, а я вот ностальгирую порой.

Вадим тоже рассматривал фотографии. Давно он их не доставал. На чёрно-белых фото-снимках они были молодыми и счастливыми. И порой казалось: а было ли всё это когда-то? Жизнь пролетела не глядя.

— Пап, ведь мама тебе деньги передала, так? Ты к нам приезжал за ними.

— Так. Отучившись на юрфаке тогда, я в милиции недолго поработал. Понял, что не моё это. Ни мелкие дела, ни уголовщина. Меня тошнило от всей этой системы. Статистика по раскрываемости у меня нулевая была. Коллектив меня не принимал. Мама твоя, в отличие от меня, делала успехи. Карьерный рост её в гору шёл. Потому что она не женщина — танк. Итог наших отношений был один. Мы развелись. Из милиции я, конечно, ещё раньше ушёл. Коммерция меня привлекала всё-таки больше. Раз не отучился на инженера, как изначально хотел, то решил окунуться в бизнес. Поначалу всё удачно складывалось. Я женился на Жанне, дочку её удочерил. Совсем недавно у меня начались проблемы. Я взял кредит в одном коммерческом

банке. Вложился в одно дело. Думал, окупится быстро. Но прогорел. На проценты попал. Мне стали названивать, угрожать. Я не знал, к кому обратиться.

Вадим нервно захлопнул альбом с фотографиями.

— И ты обратился к маме, и это из-за тебя она согласилась на взятку?

Надя спрятала лицо в ладонях. Мама не брала взятки. Это был её главный принцип в работе. Она до упора билась за то, чтобы преступник был всегда наказан и получил свой положенный срок. Но не в этот раз.

— Понимаешь, мне не к кому было больше обратиться. А Нина согласилась, не раздумывая. Я обернулся одним днём. Деньги она передала мне на вокзале, и я тут же отправился домой. Только здесь меня избили. Сильно. Сама видишь.

— Вижу — Надя поднялась с постели отца — и что мне теперь делать? Я поступать хотела, учиться. Но на что нам жить с тобой? Неужели ты совсем прогорел и у тебя хотя бы на чёрный день не припасено?

Что мог ответить Вадим? Признаться дочери, что он дурак и позволил Жанне обобрать его до нитки? Его счета пусты. С бизнесом он прогорел. А банку так и остался должен, его же ограбили. Н сегодня-завтра к ним придут.

— Прости меня. Кажется, я втянул тебя в игру на выживание. Твоя мама была права. Я неудачник. Артур был лучшим из нас.

Отвернув лицо к окну, Вадим сжал челюсти. Он ничего сейчас не мог. Какой из овоща защитник? Надя зря к нему приехала, нужно было оставаться дома.

— Я приехала, потому что с меня требовали уголовное дело, которое подняла из архива мама, и деньги. Дома мне было небезопасно оставаться — будто прочитав мысли отца, призналась Надя.

В комнате повисла гнетущая тишина. Вадим знал, что Нина куда-то влезла. Она хотела ему рассказать, но в ту же секунду передумала. И почему он не настоял?

— Не соседка в прошлый раз заходила. Бандиты. Они легко разыскали твой адрес — добавила Надя.

Лицо Вадима стало бледным, лоб покрылся испариной от волнения. Он не мог защитить дочь и ничем ей помочь тоже не мог!

— Надя, тебе нужно уходить. Найди мою записную книжку. Там адрес женщины, которая сможет тебя приютить на время.

— С ума сошёл? Я не оставлю тебя в таком состоянии одного!

— Я не буду один. Женщина, которая тебя приютит, присмотрит и за мной. Я напишу для неё записку. Собирайся.

Глава 12

От души потянувшись и хорошенько взлохматив свои длинные волосы, женщина подошла к окну и улыбнулась. Ну вот и новый день. Что он ей принесёт? Ну-ка?

Ткнув кнопку на телевизоре, Марго ушла в кухню. Её уютная двушечка с хорошим и дорогим ремонтом была воплощением её мечты из голодного нищего детства.

Включив чайник и достав кофе, Марго, пританцовывая, направилась в ванную. Настроение сегодня было просто сногшибательным.

На вечер у неё запланировано одно мероприятие. Важное, между прочим. И тот, кого ей предстоит сопровождать, птица крупная и высоко летает.

Придирчиво осмотрев себя в зеркало, Марго отметила, что форму благодаря тренировкам в зале держит, а вот лицо имеет уставший вид. Морщины, глаза не горят, как в двадцать лет.

Придётся косметики наложить больше, чем нужно, для того чтобы следы усталости скрыть.

Выпила она вчера лишнего, да ещё в гордом одиночестве. Ведь зарекалась же.

Сполоснув лицо прохладной водой из крана, Марго заколола волосы и стала набирать ванну, планируя как следует расслабиться и ещё немного вздремнуть.

Но её планы нарушил звонок в дверь. Кто бы это? К Марго редко ходят гости. Практически никогда.

Затянув потуже поясик на шёлковом халатике ярко-красного цвета, Марго отправилась в прихожую.

На пороге квартиры замерла испуганная бледная девица.

— Я от Тарасова Вадима Алексеевича — протараторила громко она. Позади скромно притаился чемодан, в руках поводок со скулящей собаченцией.

Брови Марго поползли вверх, губы недовольно скривились. Она терпеть не могла собак! Ни маленьких, ни больших. Никаких!

— И? Чем обязана? — холодно и недружелюбно спросила Марго, сложив руки на груди.

— Папа сказал, что вы сможете меня приютить на время. Пожалуйста. Помогите. Очень надо!

Марго тяжело вздохнула. Ванна отменяется. С раздражением втащив девушку в квартиру, она с силой захлопнула дверь.

Вадиму отказывать нельзя. Он ей когда-то помог. А добро Марго всегда помнила, какой бы порой невыносимой по характеру она ни была.

— Рассказывай, что случилось? — потребовала она — Вадим опять куда-то вляпался?

Надя шагнула к двери, продолжая крепко держать поводок с извивающимся псом.

— Там ... Там чемодан мой остался — пояснила она — я сейчас всё вам расскажу!

— Валяй. Я пойду кофе наведу. Не люблю, когда утро начинается вот с таких непредвиденных сюрпризов.

Надя занесла свой чемодан, который позаимствовала у отца, и, легонько беззлобно пнув скулящую Мусю под мягкое место и сунув в её влажный нос кулак, приказала сидеть на прищепленном коврикe и не шалить.

Девушка вошла в кухню и потянула носом. Аромат крепкого кофе и сигарет. Как это знакомо. Будто она снова у себя дома и сейчас будет слушать нравоучения мамы.

Нина Григорьевна тоже любила кофе и выкурить сигаретку-другую в приоткрытую форточку.

Без всякого стеснения усевшись за кухонный круглый стол, Надя рассказала о себе и об отце.

— Папа приказал мне спрятаться у вас. А сам лежит сейчас один, и ему плохо. Его так избили, что он по квартире передвигаться не в состоянии. Если только до туалета, и то по стеночке.

Марго затягивалась глубоко, выдыхала быстро. Несчастье с Вадимом расстроило её. Кто так с ним? Случайные отморозки или вышибалы из банка?

— Денег таких у меня нет. А вот тебя спрятать и оказать небольшую помощь в покупке лекарств для Вадима я в состоянии.

Марго бросила резкий взгляд на настенные часы. До вечера время есть.

— Значит-ца, так, деточка. Кушай, ванну разрешаю принять со всеми благовониями, какие найдёшь на полке, и прилечь можно в зале, на мягком диванчике. Более ничего не трогать без моего ведома. А я пока к папке твоему смотаюсь, гляну, как он там. Вадим о наличии такой взрослой дочери мне не рассказывал, кстати. И по поводу собаки. Её я тоже должна приютить?

Надя, шумно отхлебнув кофе, пожала плечами.

— Это же Муся. Она безобидная, много не ест. В туалет на улицу просится. Я сама буду гулять с ней. Жена отца её бросила, не оставлять же собачку на произвол судьбы? Папа просто не в состоянии ещё и с Мусей возиться.

— Сейчас посмотрю, в каком он там несостоянии — недовольно пробурчала Марго — учти, что у меня на собак в принципе аллергия, и я их на дух не выношу. Поэтому лучше бы тебе её куда-нибудь в другое место пристроить. Пока меня не будет, реши этот вопрос. Мне такая головная боль не нужна.

Марго ушла, оставив после себя шлейф дорожной туалетной воды. Надя втянула носом сногшибательный аромат и, допив кофе, да бутербродом закусив, поплелась к бедной собачонке.

— И куда тебя? — спросила она у Муси так, будто та ей сию минуту ответит. Но собака, словно всё понимая, распласталась на полу и жалобно подняла на девушку свои блестящие карие глаза.

— Придумала куда! — Надя, подхватив Мусю, вышла с ней из квартиры. Она совсем забыла про продавщицу из киоска.

Вера добрая, она не откажет приютить Мусю. Ключи от квартиры Надя бросила в почтовый ящик, намереваясь управиться до прихода Марго. Туда и обратно. Тем более пока сюда, добиралась, поняла, что район-то знакомый и киоск где Вера работала, недалеко.

Артём не без помощи Алисы вышел покурить.

— Чего пришла? Извиниться? — невозмутимо спросил парень, прикурив. Они расположились на лавочке в больничном сквере. Вечер тихий стоял, душный.

— Вот ещё — фыркнула Алиса, усевшись нога на ногу и полуобернувшись к Артёму — мне не за что извиняться перед тобой. Цену себе не набивай.

— То есть я должен согласиться с тем, что я хамло? — уточнил Артём, насмешливо поглядывая на девушку. Симпатичная эта Алиса. Даже очень. Вон ножки какие, как у фото-модели. Стройная, хорошо и со вкусом одета. Надя в этом плане проигрывала со своей какой-то подростковой угловатостью.

— Не начинай, а — с досадой отмахнулась Алиса — я просто так к тебе пришла. Что тут странного?

— Как-то мы спорим всё время, не заметила?

— Ты первый начинаешь. Я, может, как к другу к тебе, а ты ...

Голос Алисы вдруг сорвался и, отвернув лицо в сторону, девушка замолчала. Артём усоветился. Что он в самом деле? Может, богатые тоже плачут?

— Ну ты извини, если чем обидел. Что у тебя случилось? Расскажи. Если смогу, то помогу.

— Ничего — Алиса опустила голову. Не признаваться же ему в том, что её любовник женатый бросил? К тому же этот любовник работает на заводе и старше неё лет на пятнадцать.

— Ну если ничего, тогда ... — Артём почесал макушку, не зная, что ещё сказать, чтобы их общение снова не вылилось в словесную перепалку.

Алиса ближе придвинулась и сама его поцеловала. Вот так. Неожиданно. Артём, вконец растерявшись, отстранился не сразу.

— Чего напрягся-то так? Это дружеский поцелуй — рассмеялась Алиса и встала. Она почувствовала облегчение. Этот Артём не так уж плох, и можно к нему присмотреться.

— Ничего себе дружеский — пробурчал Артём — у меня девушка вообще-то есть.

— И что? Любишь её?

Алиса пристально уставилась на Артёма. Девушка у него есть ... Ишь ты. Тоже занятой оказался. Прямо бесит. Тот женат, этот! Как ей везёт на таких! Лёгкое замешательство Артёма от неё тем не менее не укрылось. Может, не так уж и сложно его отбить будет?

— Ну мы встречаемся. Надя школу только окончила, я в армию собирался. Потом пожениться планировали. Как-то так.

— Ты не ответил. Любишь ты свою девушку или нет? — голос Алисы стал жёстким, требовательным. Артём, отбросив окуроч в сторону, поднялся, опираясь на костыль.

— Тебе какое дело? Навестила? Свободна.

Разозлившись непонятно на что, Артём поковылял обратно. Нога и позвоночник нестерпимо болели. Поскорее бы уже на операцию его отправили.

Да только, как намекнула мама, это будет ему кое-чего стоить. На кону отношения с Надей и безбедная жизнь под покровительством Шатилова Аркадия Валерьевича. Какая чаша весов перевесит?

— Давай помогу, что ли?

Алиса догнала парня и, приобняв его за талию, помогла подняться по ступенькам. Странный трепет почувствовал Артём от такой опасной близости с красивой девушкой.

Кровь заиграла, и лицо жаром обдало. Неужели мама права и всё, что было у него к Наде, это блажь и ничего серьёзного?

К своему ужасу, Артём даже лица девушки вспомнить не мог, так одурачивающе на него подействовала Алиса. Сжав зубы от злости, Артём решил сейчас же попросить на сестринском посту позвонить Наде.

Только услышав её родной голос, он убедится что никуда ничего не делось и он по-прежнему трепетно любит только её.

Глава 13

Конечно же, Вера не отказала.

— Да ты что! Ну какая прелесть — она выхватила из рук Нади пушистую болонку и прижала к своей пышной груди — моя Ульянка в восторге будет. Давно собаку у меня выклянчивает, а я всё никак. Дворовых-то пруд пруди, а породистую её попробуй, купи. Ну спасибо тебе, Надюшка! Ты как там у отца? Устроилась? Работа не нужна тебе, а то мне в ларёк напарницу бы не помешало. Упахалась я одна, а те, кто раньше приходили, тут же и уходили, двух дней не поработав. А чего тут сложного? Торгуй себе сигаретами да пивом.

Вера всё тархтела и тархтела, как заведённая. Болтушка она всё-таки. Надя, натянув пониже козырёк кепки, грустно пожала плечами.

— Устроилась нормально. Мачеха со своей дочкой свалили, а мне вот с отцом Мусю оставили. Сволочи. Я с собаками дел не имела никогда, отцу тоже сейчас заниматься ей некогда. Вот я про тебя и вспомнила.

— И хорошо, что вспомнила. Мы Муську в обиду не дадим. Можешь даже не переживать, она в хорошие руки попала. Так как насчёт работы? На лето хотя бы! Всё равно без дел тут слоняться будешь, а это хоть заработаешь себе немного на мелкие расходы.

Надя улыбнулась. Классная всё же Вера! Такая душевная, простая. Её болтливость располагала, и появилось ощущение, будто уже давно с этой женщиной она знакома.

— Да я не против. Хозяину скажи тогда и мне позвони. Я завтра подойду к тебе, узнаю. Ну пока.

Сунув руки в карманы джинсовки, Надя перебежала дорогу и в соседний двор. Погода портилась, тучи серые набежали. До прихода Марго нужно успеть домой.

Обрадуется она теперь, что Надя от собаки избавилась. Интересно, как Марго с отцом познакомилась? Необычная она какая-то, красивая.

Но раз папа к ней послал, то значит доверяет ей? Завернув за угол, девушка даже понять ничего не успела. Удар битой по голове будто на две части череп расколол. Даже не сильная боль, а шок почувствовала Надя, оседая на землю. В ушах зашумело, в глазах темно.

— Идиот совсем? А если сотряс?

Последнее, что успела услышать девушка.

Вадим приходу Марго обрадовался. Эта женщина действовала на него как целительный бальзам. В своё время в силу своей профессии он отмазал её, с тех пор дружба и завязалась. Но только дружба, ничего личного.

Марго — птица высокого полёта и вращается в кругах, в которые самому Вадиму доступ закрыт.

Зато много чего она ему рассказать успела по пьяни. Потому как встречи её не всегда удачно проходят.

Однажды она сопровождала в одно из недавно открывшихся казино Москвы натурального психа, который потом не только ею попользовался, но и избил. А в условия их встречи данные пункты не входили.

Марго отлёживалась потом дома целый месяц, а Вадим о ней заботился. Так они и поддерживали друг друга. Но последние полтора года их общение сошло на «нет».

Вадим в коммерцию ударился, вроде как получалось у него. Марго только радовалась за друга и лишний раз о себе не напоминала.

— И как тебя угораздило? — вместо приветствия спросила она. В руках у неё был пакет с продуктами, из сумочки она вывалила лекарства.

— Да в банке кредит взял под бешеный процент. Тему одну замутил. Прибыль такая светила, что всё с лихвой покрыл бы. А меня прессовать стали, палки в колёса вставлять. Я же наивный. Думал, что если бывший мент, то всё знаю и никто меня не тронет. Куда там. Всё к чертям полетело, сроки вышли. Процент по кредиту капал. Мне позвонили на фирму и любезно напомнили о долге. Я пообещал, что отдам. К Нине обратился, она сказала: «Приезжай». Понимаешь?

Вадим закрыл лицо руками. Голос его звучал глухо.

— Так просто взяла и позвала меня, пообещав достать нужную сумму. Я Наде не стал всю правду говорить. У Нины, как я понял, проблемы какие-то были. Курила она тогда на железнодорожном вокзале одну за одной. Сказала мне, что дело одно нарыла. На человека, который нам обоим очень хорошо знаком. Дело это висяк в своё время ушло. А недавно случившийся эпизод по статье «Убийство» привёл к этому самому висяку. Вот Нина и соединила пазл. О ком речь не стала говорить. Я гадал, гадал. Так и не понял, кто может быть нам так хорошо знаком, причём обоим? Нина деньги мне в руки сунула и приказала тут же билет покупать на обратный рейс. Сама чуть ли не бегом с вокзала. Знал бы я тогда, что в последний раз её вижу. Надя тебе рассказала, почему она здесь? Нина умерла, а бандиты за девочку взяли. Адрес мой достали, в квартиру вломились. Только Надя наверняка не ту папку отдала. Я слишком хорошо знаю Нину, она не стала бы дома хранить серьёзный компромат. Поэтому Надю я отправил к тебе. Присмотри за ней.

Марго достала сигареты.

— М-да ... Дела. Тарасов, ты не можешь без этого вот? Может, ты зря из ментовки ушёл? Деньги, как я понимаю, у тебя отжали неизвестные. Они же и до состояния овоща тебя довели? Так? Жаннета твоя хвостом вильнула и свалила в туман. И как ты разруливать собрался?

— Пока не знаю. Есть одна мысль. Только мне поправить здоровье надо и в Реченск смотаться. Чувствую я, что начальник следственного отдела как-то в курсе. Я не верю, что Нина так просто могла от сердечного приступа умереть. Она на здоровье никогда не жаловалась.

— Откуда ты знаешь? Вы же сколько лет не жили вместе?

— Я Нину знаю. У неё стальной характер. Знаешь ... Гибель Артура в армии закалила её. Она безумно любила Надю, но благодаря стальной воле какой-то свою любовь никогда ей не показывала. Уголовные дела она щёлкала всегда, как грецкие орехи, и никогда не сомневалась в приговоре суда. У неё и висяков практически не было. А то дело, как Нина вскользь упомянула, вёл когда-то Рогозин Станислав Сергеевич, и было это до того как он до начальника следствия дорос.

Марго медленно выдохнула струю сигаретного дыма. Служивых в погонах она терпеть не могла. От младшего состава до старшего. Была причина. А вот Вадим Алексеевич Тарасов вызывал в ней только самые добрые чувства.

Поднявшись со стула, Марго деловито разобрала пакет. Что-то в кухню отнесла, в холодильник. Что-то на столе в комнате оставила, приказала съесть немедленно.

— Через пару дней ещё загляну. Пока тебе хватит? Лекарства вот, обезбол, мази всякие. Лечись. Ну а я за Надей присмотрю. Не переживай о ней. Чао, Тарасов. Уверена, что ты распутаешь этот клубок. Зря ты в сам себя не поверил тогда и из милиции ушёл.

Вадим после ухода Марго доковылял до двери и заперся на все замки. Прижавшись к холодному дерматиону спиной, он опустил на корточки и уставился в одну точку. Кого Нина всё же имела в виду? Кто этот человек, на которого она нарыла компромат?

Глава 14

— Ну как ты?

Надя подняла голову и прищурилась. Свет в процедурной бил прямо в глаза, вызывая резь и боль. Рана не смертельная. Обработали, перебинтовали и строго-настрого приказали соблюдать полный покой.

В отделении настоятельно оставляли, да Надя отказ написала от госпитализации. У Марго отлежится.

— Нормально — одними губами пробормотала девушка. Пить хотелось и спать. Такой шок, какой сегодня произошёл с ней, надолго запомнится.

Хорошо, что помощь вовремя подоспела в лице Влада Старцева, который со смены домой возвращался. Он-то и разогнал шайку мелких воришек. Хотя какая там шайка ... Два бритоголовых с битами, вообразивших себя крутыми.

Надю они за парня вообще приняли.

— Вот теперь будешь знать, что по вечерам у нас тут небезопасно одной ходить.

Влад помог Наде сползти с кушетки и, приобняв за талию, вывел на улицу.

Вечерний воздух немного освежил и остудил разгорячённое лицо девушки. Накрапывал мелкий дождик, глухо гремел первый в этом году майский гром.

— Да я близко живу. Только через дорогу до ларька и обратно — Надя мельком бросила взгляд на Влада.

Симпатичный. В форме гаишника он был. Потому и спугнул тех бакланов. Надя ему так благодарна была, что смущённо скользнула губами по его небритой щеке.

— Спасибо тебе. Ты очень вовремя появился. У меня хоть и красть нечего, но мало ли ... Поняли бы, что я девушка, и неизвестно, какие бы последствия меня ждали.

— Вот! — Влад, растерявшись от робкого благодарного поцелуя, ещё сильнее Надю за талию обхватил и к себе прижал — хорошо, что соображаешь, чем дело могло закончиться. Надеюсь, теперь не будешь по вечерам так поздно шастать. А если вдруг немоготу, то мне позвони, и я составлю тебе компанию. Я, кстати, из того же района. Ты в каком подъезде?

Надя назвала подъезд, квартиру. Влад отчего-то нахмурился, сигареты достал.

— А ... У Марго живёшь. Ясно — чиркнув спичкой, он задумчиво затянулся, поглядывая на девушку — и в качестве кого ты у неё живёшь? Подруга?

— Не знаю — бесхитростно пожала плечами Надя — мой папа дружит с Марго. У него мне нельзя остановиться, поэтому он предложил к Марго обратиться. Я знакома-то с ней всего один день.

Лицо Нади озарила широкая улыбка. Ей вдруг стало смешно. Столько событий за каких-то пару дней. Реченск теперь таким далёким казался. Только воспоминание о том, что мамы больше нет, вызывало в душе щемящую тоску.

— Ты не местная? Откуда к нам, если не секрет? Работать, учиться?

— Слишком много вопросов за один вечер. А я так-то травму получила — Надя показала на свою перебинтованную голову.

— Извини, да, конечно ... Я что-то разошёлся. Просто переживаю за тебя. Ты мне сестру мою напомнила. Та тоже такая же безбашенная. Сколько раз её отчитывал, учил уму-разуму.

— Сестра? Родная?

— Да. В интернате живёт. Мне не дали опеку над ней оформить. Родители наши погибли, несчастный случай. Вот на каникулы ко мне Наташка приедет, и я вас познакомлю. Если ты всё ещё у Марго будешь жить.

Теперь и Влад улыбнулся. А то всё серьёзный, да хмурый был. Станные чувства зародились в душе Нади. Ей с Владом так легко было, будто давно она его уже знает. Неужели новая дружба зародилась сегодня? Наде такой друг не помешает, особенно в её странной ситуации, когда ей и из дома-то нельзя пока никуда выходить. Отец же просил.

— Ну пока — Надя протянула свою ладошку, чтобы попрощаться. Влад её до самого подъезда проводил и даже до квартиры рвался, но девушка решительно пресекла. Это уже лишнее.

— Пока. Если что, я рядом, вон в том подъезде. Даже окна, кажется, напротив окон Марго — парень махнул рукой на соседнюю девятиэтажку через двор.

Надя дёрнула дверь подъезда. Головная боль усиливалась, но сотрясения, как сказал дежурный врач после тщательного осмотра, не было.

— Надь, постой!

Влад сунул ей в руки бумажку.

— Номер телефона мой. Вдруг скучно будет, звони.

Заговорщически подмигнув, он через двор направился к себе. Девчонка зацепила его, что было удивительным для него самого. Ведь после того как его бросила Настя, Влад зарёкся вообще смотреть на женский пол, прибегая по нужде к услугам дешёвых девиц по вызову.

Только то, что Надя жила у Марго, слегка напрягало. Ведь та была известной в определённых кругах элитной содержанкой и эскортницей. Девочке не место у такой мадам. Она другого сорта, и это сразу бросается в глаза. Поэтому Влад и дал ей свой номер телефона, быстро нацарапав его на бумаге.

Марго себе места не находила. За ней вот-вот машина приедет, а Нади нет! Куда эта девчонка подевалась? Ведь Вадим просил же приглядывать за ней. Измерив широкими шагами всю квартиру вдоль и поперёк, Марго то и дело на часы посматривала.

Одета она была элегантно. Длинное сверкающее платье, высокий каблук и роскошная грива рыжих волос, собранная в незамысловатый пучок, заколотый блестящими шпильками.

— Надя! — возмущённо вскрикнула она, когда девушка вошла в квартиру, но, увидев, в каком та виде, Марго ахнула — что случилось? Я тебя всего на час оставила в квартире! Ну ты точно как твой отец, без приключений не можешь!

— Я с таким парнем познакомилась! — Надя прошла в кухню и, опустившись на табурет, мечтательно уставилась в тёмное окно — он меня от хулиганов спас. Почти. Голова только пострадала.

— Ты меня поражаешь! От каких хулиганов? Где ты их нашла-то? — трясущимися руками Марго наполнила стакан водой из графина и залпом выпила. Подумав, достала из шкафа корвалол, накапала и снова выпила, поморщившись.

— Ну так я Мусю пристроила к одной женщине, знакомой. Ты же сказала, что терпеть не можешь собак — Надя сама не заметила, как на «ты» перешла.

— Ладно, хорошо. Я сейчас спешу, извини. Завтра всё мне подробно расскажешь. Особенно про твоего отважного парня. Я тебя на ключ закрою с той стороны, поняла? Мне так

спокойнее будет. Еда в холодильнике, разогреть, думаю, умеешь. А вообще ложись и отдыхай. Как голова? Сильно приложили?

— Да не-е ... Заживёт. Не переживай, всё нормально будет. Папа как?

— Вы с ним одинаковые — пробурчала Марго, схватив связку ключей с трюмо — у него тоже всё отлично. Пообещал быть огурцом в скором времени. Всё, я ушла.

В квартире стало тихо. Выключив свет в кухне, Надя встала возле окна. Она видела, как возле подъезда притормозил шикарный чёрный автомобиль, в салоне которого и скрылась Марго. Надя с любопытством, присущим всем юным девушкам, всматривалась в автомобиль и в то, как он плавно тронулся с места. Интересно, куда отправилась Марго?

Надя перевела взгляд на соседний дом напротив. Где-то там теперь так же возле окна стоит и Влад.

«А как же Артём Смолин?» — мелькнуло назойливо в голове. Устыдившись своей ветренности, Надя резко отошла от окна. У неё есть парень, и никакой Влад пусть не подкатывает к ней!

Глава 15

Свет не может пробиться туда, где тьма плотно окутала всё существо человека, познавшего не только моральную боль, но и физическую. Изуродованная душа и окаменевшее сердце отталкивают всё доброе, чистое, светлое.

Жизнь принимается таким человеком в извращённом формате, и исцелить, вытащить из чёрной мглы такую заблудшую душу практически невозможно. Его глухая тупая боль превращается в холодную решительную ярость.

— Девчонку спас какой-то хмырь. Но зато она успела получить сильный сотряс.

— Твои отморозки тупы, как пробка из-под дешёвого портвейна. Я не просил калечить её. Я просил напугать. Разницу чувствуешь?

— Я тебя не понимаю ... Возиться с этой девчонкой. Зачем она тебе? Бабки у нас, висяк у нас. Следачка откинулась. Всё, концы в воду.

— Не все. Она сама и её папаша должны сполна ответить за всё, что мне пришлось пережить в том аду.

— Мсть не всегда приносит удовлетворение. Ну отомстишь ты, а дальше что? Спокойно всё равно жить не сможешь. Та, которую ты любил, умерла.

— Зато её дочь жива.

— За грехи родителей их дети не могут держать ответ.

— Могут.

Глаза его налились кровью, рука крепко сжала пустой стакан. Он никого не жалел и жалеть не собирался.

Город, в котором он родился и жил, совсем скоро станет под ним лежать. Вот только устранить кое-кого нужно, и поможет ему в этом та самая девчонка. Дочь его любимой когда-то женщины.

— Джем, не снимайте с неё наблюдения. Я должен знать о каждом шаге этой девчонки. И Марго предупредите. Работёнка ей предстоит небольшая. Как раз по её профилю.

— Я понял тебя. Тогда я пошёл?

Вместо ответа последовал кивок головой. Он всегда таким был. Слишком мало слов, практически никаких эмоций. Сложный и тяжёлый мужик с глубоким шрамом не только на лице, но и на сердце.

Артёма отправили на машине скорой помощи. Шатилов договорился. С ним напросилась в сопровождающие Алиса.

Всю дорогу она активно общалась с матерью Артёма и совсем не была похожа на ту заносчивую и высокомерную особу, которая так выбесила Артёма тогда.

— Надеюсь, всё будет хорошо — бормотала Анна, мысленно радуясь, что дочка Аркадия Валерьевича оказалась такой простой. Нет, Артём ни за что не должен упустить эту девушку. Да и не имеет теперь права.

Борис рассказал о его разговоре с Шатиловым. Тот присмотрел Артёма в качестве своего зятя.

Вон расстарался как. И операцию в Москве выхлопотал, и машину скорой выделили для Артёма. Алиса лично поехала всё проконтролировать!

У Анны даже руки дрожали от волнения. С таким человеком породниться — это такой шанс, какой ни в коем случае нельзя упустить.

Алиса, беседуя с потенциальной свекровью, в душе испытывала неприязнь. Ну колхоз же! Артёма она, конечно же, перевоспитает на свой манер, а вот его мать ей потом не нужна.

Пусть катится после их свадьбы на все четыре, как и папаша Артёма. Эти простачки совершенно не их круга люди.

Алиса уже всё распланировала и отцу сказала. Да, она согласна, чтобы Артём стал её мужем. Даже сам парень пока не догадывался об этом никак, а она уже всё за него решила. Пусть спасибо скажет, что выбор пал на него.

У девушки, конечно же, свои мотивы были. Утереть нос бывшему любовнику. Слишком сильно он её унизил и принизил. Она бежит за ним, как собачонка? Ха-ха.

Ещё посмотрит Алиса, кто за кем будет бегать в скором времени. Она обязательно попросит отца вышвырнуть этого подлеца на улицу, а на его место посадить Артёма. Ничего, научится всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.